

ОЛЕГ СИНИЦЫН
АСТРОБОЙНЫ

Олег Геннадьевич Сеницын Астровойны

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=132037
Астровойны: Армада, Альфа-книга; Москва; 2005
ISBN 5-93556-575-7

Аннотация

Бездонные войны в далеком прошлом. Отгороженная от врага исполинским кольцом черных дыр цивилизация людей ведет мирную жизнь. Но миру пришел конец. Тысячу лет выжидали когда-то побежденные людьми орки, и вот настало время реванша... Неисчислимы черные звездолеты готовы перейти границу. Их ведут демонические супервоины. Они сильны, коварны, они владеют магией. Силам Бездны не могут противостоять ни пограничный астроплот людей, ни паладины.

Надежда осталась только на древние знания...

Содержание

Пролог	4
Часть первая	6
1	6
2	10
3	14
4	21
5	23
6	30
7	39
8	41
9	60
10	65
Часть вторая	67
1	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Олег Сеницын

Астровойны

Пролог

Президентский дворец,

столица Союза галактических государств планета Гея Златобашенная

Башни правительственных зданий, отделанные сусальным золотом, заслоняли половину неба и пылали огнем в лучах красного гиганта Прочиона. Их вид приводил в восторг любого провинциала, впервые попавшего в метрополию, и заставлял с дрожью прочувствовать всю мощь Тысячелетнего Союза, воплотившуюся в золоте, стекле и стали. Калигула и сам любил вечерами, выйдя на балкон, насладиться закатным солнцем, поразмыслить после государственных дел о чем-нибудь философском и вечном. Но сейчас вид золотых башен радости не доставлял. Короткое сообщение, которое зачитал Игнавус, вызвало в нем тревогу.

– Седьмая звезда в созвездии Волка? – переспросил президент.

– Именно, – с учтивым поклоном произнес престарелый советник, опиравшийся на трость с костяной ручкой в виде змеиной головы.

– Погасла?

– В последние годы ее активность стремительно уменьшалась. Наши астрофизики так и не смогли разобраться в причинах столь уникального явления. По оценкам Ученых, в недрах ее оставалось еще достаточно водорода для термоядерных реакций на четыре миллиарда лет.

– Извини, Игнавус, но правильно ли я понял... Звезда та самая?

Советник утвердительно качнул головой. В зале президентского кабинета повисло неловкое молчание. Калигула повел подбородком, словно высокий ворот мундира был туговат и давил на шею.

– А что вторая? Та, которая сокрыта в мрачных глубинах Хеля?

– Разрешения наших телескопов не хватает, чтобы разобрать точно. Но, судя по всему, та звезда в полном порядке.

– И что мы должны делать?

– Господин президент, сэр... прежде всего следует обратить особое внимание на границу. Если событие, на которое указывает потухшая звезда, действительно случилось – он не замедлит воспользоваться нашей бедой.

Президент повернулся к окну и взглянул на пылающие под солнечными лучами башни.

– Игнавус, вы умный, образованный человек! Вы служите советником уже у четвертого президента. Неужели вы доверяете этим предрассудкам?

Высокий, худой советник с аккуратной бородкой клинышком нерешительно кашлянул:

– Некоторые вещи, господин президент, существуют независимо от того, верим мы в них или нет.

Калигула перевел взгляд на огромный герб Союза, вывешенный высоко на стене, под самым потолком, – песочные часы под звездами в обрамлении спелых колосьев. Часы символизировали галактику, очень похожую на них своей формой: две обращенные друг к другу воронки. Звезды над ними изображали созвездие Волка. То самое созвездие, в котором одной звезды уже не хватало.

– Так что мы будем делать, господин президент? Ползут слухи, граждане Союза волнуются. На границе беспокойно...

– На границе всегда было беспокойно!

– Сейчас в особенности. Поэтому мы должны выразить свое отношение к столь скорбному событию.

– Комментариев не будет. Исполнительная власть не комментирует предрассудки. Для этого имеется Церковь Единой Веры. Кстати, появилось ли на этот счет мнение Верховного митрополита?

– Высочайшее духовенство совещается по этому поводу второй день. На данный момент мнение церкви пока не определено. Но я убежден, что свое решение они огласят в Храме Десигнатора на ежегодной проповеди в день священного праздника Завоевания Небес.

Часть первая В ожидании мрака

1

*Материковые леса,
планета Рох, Пограничная система Союза*

Даймон сидел неподвижно, укрытый листьями молодой ольхи и практически слившийся с ними. Где-то далеко наверху кроны деревьев трепал ветер, но здесь было спокойно. Он прятался в листве, не смея шелохнуться, не смея хлопнуть себя по яремной вене, чтобы убить присосавшегося комара. Комар как прилетел, так и улетит, а покой подлеска у заросшей тропы будет нарушен. Чуткий кентавр сразу почувствует неладное, и последнее, что услышит Даймон, – дробный удаляющийся галоп. Такой исход будет означать лишь одно: полный и безоговорочный крах. Провал экзамена, который устроил ему отец.

А подлый кровосос все никак не мог утолить жажду, и Даймон мысленно пообещал, что найдет тварь, куда бы ни унесли ее хлипкие крылья. Но сейчас приходилось сцепить зубы. В самом деле, если он не может терпеть животное, для лишения жизни которого требуется легкий хлопок ладонью, то что говорить об охоте на такого серьезного зверя, как кентавр. Ростом с человека, он, кроме лошадиного облика, морды и копыт, вдобавок располагал парой мускулистых лап, которыми разрывал пополам оленя, а, случалось, и заблудившегося путника.

Поймать зверя предстояло голыми руками. Таково непреложное условие отца. «Автоматические сети и силовые капканы – игрушки для туристов, приезжающих охотиться по путевкам турагентства, – говорил он. – Ты – потомственный зверолов! Ты должен обладать всеми навыками и приемами, которые существуют для поимки зверя. Может оказаться, что в один прекрасный день весь этот технологический мусор исчезнет и ты останешься один на один с лесом».

Вот так, голыми руками, ни больше, ни меньше, Даймону предстояло взять божью тварь, которая становится бешеной, когда чувствует опасность, и начинает колотить во все стороны чугунными копытами. Малейший просчет угрожает жизни охотника, поэтому у него есть только одна выверенная секунда и только один удар. Быстрый и тяжелый удар «молотом» – кулаком промеж лошадиных глаз кентавра.

Он так сосредоточился на предстоящем событии, что упустил момент, когда послышался топот, приглушенный травой. Даймон спохватился, занервничал. Если бы отец заметил это, то разгневался бы. Ротанг не уставал повторять, что чувства зверолова должны быть острыми, как лезвие клинка, и холодными, как его сталь. Ощущения же, которые сейчас испытывал юноша, образно напоминали разварившуюся картофелину.

Даймон мысленно выругался, а топот тем временем сделался ближе. Жертва находилась уже в десятке ярдов, летящий силуэт мелькал среди листьев.

Мозг мигом просчитал расстояние и подал команду ногам. Юноша вылетел из зарослей с той стремительностью, которую не раз и не два тренировал в нем отец, ставя сына меж раскачивающихся бревен, подвешенных на веревках.

Вылетел Даймон как надо. По науке, которую разработал и отточил до совершенства древний род Звероловов. Кулак прочертил дугу и опустился на покрытую жирными волосами голову.

Удар вышел знатный. Кентавр содрогнулся всем телом. Не задерживаясь, чтобы не попасть под двухсоткилограммовую тушу, Даймон перевернулся в воздухе и упал по другую сторону тропинки. Оглушенное животное шумно повалилось рядом.

Все закончилось. Довольный и счастливый, охотник лежал на спине, глядя на высокие колышущиеся кроны. Из кустов поднялся отец – невысокий, плечистый, с обритой головой.

– Молодец, Даймон, – произнес он. – Великолепное чутье и прекрасный удар. Bravo! Пятнадцать лет упорных тренировок, а все для того, чтобы вырубить заблудившегося коммивояжера.

Даймон недоуменно поднял голову и, к своему ужасу, увидел растянувшегося поперек тропинки торговца, неведомо как забредшего в эту глушь. Его узкое лицо с толстыми щеками походило на грушу, подбородок покрывала недельная щетина, пестрая от вкрапленных седины; длинные сальные волосы разметались по траве, глаза закатились. На бледном лбу багровел отпечаток кулака Даймона. Рядом валялся самоходный чемодан, из которого высыпались информационные диски, а также старинные бумажные книги.

– Отец...

– Ни слова больше! – Зверолов-старший склонился над торговцем, пощупал пульс, заглянул в зрачки. – Как ты мог принять две ноги за четыре!

Даймон взволнованно отер пот со лба.

В дремучем лесу он ожидал встречи с кентавром, но не с человеком. Люди здесь не появлялись. Лес раскинулся на огромной территории материка, и ближайший город находился милях в тридцати... хотя и не город это был вовсе, а селение, которое образовалось вокруг гигантских планетарных орудий Пограничного Гарнизона. Сельчане, в основном фермеры, заботились о своих маленьких полях, разбитых на месте осушенных болот, и в лес ходили редко, справедливо его побаиваясь. Гарнизонные службы контролировали все воздушное пространство над материком, и лес их не интересовал. Поэтому в местах, где жили Звероловы, люди не встречались с незапамятных времен. Когда Даймон не посещал Гарнизонное селение по несколько месяцев, и чувство отрезанности от мира становилось острым, парню начинало казаться, что он и отец – хозяева этих зеленых владений, которые простирались от тартарийского побережья до гряды Мохнатых гор.

– Он из Прейтона, – сообщил отец, заглянув в электронный бумажник торговца. – Видимо, ехал в Гарнизонное, чтобы продать какие-то книги, но сбился с пути и угодил под твой бестолковый кулак.

Зверолов-младший виновато переступил с ноги на ногу.

– К счастью, он жив, – вздохнул отец. – Возьми его на спину. Я соберу книги.

Межконтинентальный экспресс,

Геля Златобашенная

Вагон для особо важных персон был искусно отделан красным деревом, платиной и бархатом. В просторном купе расположились четверо человек, среди которых выделялась ослепительной красоты молодая девушка, одиноко пристроившаяся у окна. Задумчивая, в неброском декольтированном платье, она походила бы на восходящую кинозвезду или выпускницу академии межзвездного бизнеса, но бриллиантовая диадема в ее волосах недвусмысленно указывала на принадлежность к высшему свету.

Серафима, сиятельная дочь Великой Семьи Морталес, смотрела в окно, не слыша спора наставницы и пресс-секретаря. Пожилая Нина Гата непреложным, как и всегда, тоном изложила свое крайне негативное отношение к региональной политике Союза, и неугомонный Антонио, считавший ее взгляды до неприличия ортодоксальными, не упустил возможности съязвить по этому поводу. Как всегда, Нина вспыхнула, сердито отвечала, иногда даже покрикивала на пресс-секретаря, но не могла заставить его умолкнуть. Четвертый человек

в купе, паладин Шахревар, высокий, в серебристых доспехах, с увесистым бластером на бедре, молча стоял поодаль. Мысли телохранителя были собраны, экстрасенсорные способности работали в полную силу, обеспечивая безопасность для сиятельной дочери и ее свиты.

Берег континента с высотными зданиями остался позади, поезд на магнитной подушке летел над океаном по изящному, кажущемуся невесомым мосту на высоте полторы тысячи ярдов. Внизу проплывали сферы и колонны водных поселений, фабрики по выращиванию рыбы и водорослей, биологические лаборатории, фундамент которых упирался в морское дно. Серафима задумчиво созерцала постройки, но мысли ее были далеки от творений деятельных рук человеческих. Снова и снова она с волнением вспоминала разговор с матерью, который состоялся вчера в их родовой усадьбе, что находилась в заповедных лесах Тероса на берегу волшебного по красоте озера Заболонь.

– Серафима, доченька моя, рада тебя видеть в это солнечное утро! – сказала Фрея Морталес, когда дочь вошла в кабинет. Слуга почтительно закрыл за ней высокие двери.

– Доброе утро, мама. Девушка поцеловала мать в щеку.

– У тебя есть время до занятий? Тогда присядь. Я вот о чем хотела поговорить. Ты, конечно, знаешь, что завтра состоится ежегодная проповедь в честь священного праздника. На ней должны присутствовать представители всех пяти Великих Семей. Мужчины нашего рода не любят церковные торжества, поэтому сия обязанность досталась женщинам. Со временем стало традицией, что именно женщины демонстрируют духовность семьи Морталес. Двадцать четыре года мое имя в числе других значилось в списках почетных гостей. Но завтрашним вечером газеты и телевидение сообщат, что вместо заболевшей Фреи на церемонии присутствовала сиятельная Серафима.

– Мама, ты больна?! – ужаснулась девушка.

– Конечно, нет. – Мать замолчала, о чем-то задумавшись. – Ситуация на границе с Нижними мирами осложняется с каждым днем. В президентском дворце еще не понимают, насколько все серьезно, насколько опасны орки. Их считают тупыми и дремучими созданиями, не способными к организации, по крайней мере, так характеризуют их «Апокрифы». Но та плановость и продуманность, с которыми враг испытывает прочность границы Союза, указывают на то, что времена изменились, а утверждения Святых Писаний устарели.

– Ты полагаешь, что волнения на границе связаны с потухшей звездой в созвездии Волка?

– Трудно сказать. Не в этом суть. Угроза извне очевидна и реальна. В таких условиях нужно остановить крестовые войны, которые церковь развязала в планетарной системе Диких Племен. Угроза, исходящая из Хеля, намного страшнее упрямых язычников. Отец собирается проконсультироваться с остальными Семьями и подготовить предложения президенту... Сама видишь, что дел неуворот. Поэтому прошу тебя о помощи. Отправившись на Центральный континент, ты подаришь мне целые сутки рабочего времени, а сама получишь бесценную практику. Университет высшего руководства и правления, конечно, дает серьезные знания, но без практики ты можешь превратиться в куклу, подобно твоей двоюродной сестре, которая обязательно присутствует на всех светских церемониях, но не может решить ни одного серьезного политического вопроса.

Просьба смутила Серафиму. Опустив глаза, девушка неосознанно принялась мять складку на подоле. В обычных обстоятельствах ее манеры были совершенными, но когда она нервничала, то начинала складывать углы скатертей, рвать на мелкие кусочки салфетки или, как сейчас, портить платье.

– Ну, что тебя беспокоит? – спросила Фрея, взяв дочь за руку.

– Мама, но как же быть? На церковной службе я буду чувствовать себя неуютно. Трудно демонстрировать то, чего нет в душе.

– Я тоже не верю во Всевышнего, доченька. Но официальные принципы нашей Семьи – это поддержание общечеловеческой веры. Именно наша Семья, равно как и другие Великие Семьи, является эталоном морали и этики для всех людей, населяющих ближние и дальние Уездные системы. Эти принципы выработаны много веков назад. Мы обязаны соблюдать их.

– Но как быть? Что отвечать на вопросы о потухшей звезде – вдохновенном символе для многих людей? Меня буду спрашивать верующие, корреспонденты, сам патриарх поинтересуется. А что мне отвечать?

– Ради бога, только не то, что у тебя пусто на душе. Подумай. Выбери тактику ответов. Помни о том, что я тебе говорила: мы являемся эталоном, на нас смотрят миллиарды глаз. Именно в таких напряженных ситуациях оттачивается ум.

Серафима поклонилась, чувствуя в груди волнение. Слегка поколебавшись, еще раз прикоснулась губами к маминой щеке. Хотя это было лишним проявлением чувств, но девушке вдруг очень захотелось снова поцеловать ее. Мама слабо улыбнулась. Она уже погрузилась в текст документа, который изучала до появления дочери.

... Вот и закончились морские поселения, которые тянулись не менее двух сотен миль. За ними последует полоса нетронутого океана, после чего опять возникнут белые росчерки гидропостроек, но ветвиться они будут уже от другого континента.

По-прежнему не слыша спорщиков, столкновение которых принимало взрывной характер, Серафима дотронулась до губ, еще помнивших последний тот поцелуй. Ничего страшного. Церемония будет важным опытом самостоятельного выхода на народ. Сизый перепел обучает птенцов полету, выбрасывая их из гнезда. Полярная собака учит потомство плавать, бросая щенят в студеную арктическую воду. Вот и мама использовала этот педагогический прием. Ничего страшного. Уже сегодня вечером девушка вернется домой.

В недолгой поездке Серафиме думалось еще о многом, но в мыслях ее не было даже намек на то, что случится с ней впоследствии. И уж тем более она не могла предположить, что больше не увидит ни свой дом на острове Заболонь, ни свою мать.

2

*Материковые леса,
планета Рох, Пограничная система Союза*

Ферма Звероловов стояла на холме посреди небольшого поля, со всех сторон окруженного лесами. С крыльца открывался захватывающий вид на разудалые просторы, раскинувшиеся от одной стороны горизонта до другой. Такое расположение жилища было выгодным, позволяя по небесам читать погоду, по вспорхнувшим птицам следить за передвижением крупных зверей, по дыму, стелящемуся над вершинами деревьев, вовремя заметить пожар.

Они вышли из леса с нехоженой стороны и стали подниматься к бревенчатым постройкам через заросли высокой травы; к этому времени года она как раз набрала сок и ярко зелела, услаждая взор. В безоблачном небе радостно лучился белый карлик – солнце Роха. Над горизонтом виднелся призрачный контур заорбитальной крепости Союза, вокруг него рассыпались светлые точки космических крейсеров Пограничного флота.

Планета Рох являлась одной из двух планет, что лежали на единой орбите белого карлика. Крохотная по космическим меркам звездная система Пограничная была стратегическим объектом Союза. Когда-то давным-давно она входила в состав Нижних миров, но тысячу лет назад во время Бездонных войн люди отвоевали ее у орков.

Представляя собой перемышку между двумя воронкообразными галактиками, Пограничная система (в простонародье Бутылочное Горлышко) являлась единственным путем, соединяющим территории людей и орков. Обходных дорог не существовало: массивное кольцо из тысяч вырожденных звезд засасывало любой корабль, который рискнул бы пройти за пределами системы. Природа сама разделила добро и зло, Верхний и Нижний миры галактики, людей и орков, оставив им узкую тропинку для возможных контактов. Эту тропинку войска Союза сторожили так же тщательно, как цепной пес охраняет хозяйскую калитку...

Возле примыкающих к дому клеток Даймон остановился, чтобы поправить съехавшее тело коммивояжера. Почти все клетки были заполнены. Сиамские волки грызли стальные прутья, лесные козы били копытами и нервно блеяли, потому что сожрали всю траву в кормушке; трехклыкий тигр ходил взад-вперед, заставляя животных из соседних клеток жаться к стенкам. «Скоро поедем в Прейтон, – подумал Даймон. – Выполнены почти все заказы». Вот именно – почти! Не было только кентавра. Не поймали. Вместо него Даймон тащил сейчас на плечах пожилого торговца книгами.

В доме они сразу прошли в спальню.

Отец и сын Звероловы жили небогато, обходясь минимумом удобств, которые представляла людям цивилизация. Робот-уборщик колесил по дому, собирая мусор и пыль; портативный ядерный генератор питал энергией стиральную машину и кухонный комбайн. В остальном семья обходилась ручными инструментами, оставшимися от предков.

Едва бесчувственного торговца положили на кровать, как он открыл глаза.

– Где я? – спросил старик, пытаясь подняться вопреки усилиям Даймона уложить его обратно.

– Все в порядке, не волнуйтесь, – поспешил заверить отец. – Вы на ферме Звероловов. Меня зовут Ротанг. Это мой сын Даймон.

Старик некоторое время смотрел на них, затем откинулся на подушку.

– Уф! Я Кристофер из Прейтона, – представился он слабым голосом. – Правда, обычно меня называют Суеверным Букинистом. Я направлялся в Гарнизонное селение, но сбился с пути. Мой гравилет угодил в болото. Его засосало так быстро, что я едва успел вытащить чемодан с книгами... Книги! Господи, где мои книги?!

– Они здесь.

Отец указал на чемодан, оставленный возле двери.

– Ох... Спасибо вам. – Торговец умолк было, но вскоре продолжил: – Что же случилось со мной?.. Помню, как я бежал от дикого животного. Я столкнулся с ним возле заброшенной тропинки. У него мощные ноги, круглые бешеные глаза, оно страшно гоготало мне вслед.

– Это был кентавр, – объяснил Даймон и грустно вздохнул.

– А потом... Что же было потом? – Суеверный Букинист задумчиво потрогал лоб, на котором все еще пламенел след кулака. – Кажется, я наткнулся на дерево.

– На большое... – произнес отец, глядя на Даймона, – ... и очень деревянное дерево.

– Вы, наверное, голодны! – с энтузиазмом воскликнул Зверолов-младший.

Гравилет старика утонул больше двенадцати часов назад. Поэтому, хотя он в первый момент и взирает на жареную утку со стеснением, но умял ее за кратчайший срок. Зверолов-старший сидел напротив, с другой стороны длинного обеденного стола, и задумчиво курил трубку. Он несколько раз пытался бросить дурное увлечение – дым листьев одурмана вреден для печени, да и животные иногда чувяли впитавшийся в кожу запах, – но не мог, как ни старался. Самый младший в комнате – Даймон – присесть не смел и тихо стоял возле стены под тяжелым угловатым черепом латодонта, которого отец убил в стародавние времена.

– А что вы сами не кушаете? – спросил Кристофер, дожевывая утку одной стороной челюстей. Зубы с другой стороны отсутствовали. Видать, достаток не позволял старику-букинисту обратиться к стоматологу, чтобы вырастить новые.

– Мы не едим по вечерам... Попробуйте вина из краснойгоды.

– Право, мне как-то неловко, – ответил старик, но бутылку вина осушил с ловкостью завидной. После этого откинулся на спинку деревянного стула и рыгнул, деликатно прикрывшись сморщенной ладонью.

– Вы по-прежнему хотите ехать в Гарнизонное? – спросил Ротанг.

– Даже не знаю. Думаю, нужно возвращаться домой, в Прейтон. Поездку в Гарнизонное придется отложить до лучших времен.

– От Южных Буровых в Прейтон раз в неделю летает пассажирский транспорт. Следующий рейс как раз завтра в полдень. Я могу связаться с авиабазой, чтобы они приземлились на старой посадочной площадке и прихватили вас и ваши книги. Переночевать можно здесь, места в доме много.

Старик посмотрел в окно, за которым разливался вязкий сумрак. Лишь на небе ярко светила далекая заорбитальная крепость.

– Я вам бесконечно признателен.

– Не стоит.

– Ну что вы! Мне было суждено провести ночь в темном лесу. Вряд ли бы я дожид до утра с моей стенокардией. Я должен... просто обязан как-то отблагодарить вас!

Отец затаился из трубки, а потому задержался с ответом, но поднял руку, показывая, что благодарности не требуется. Даймон не замедлил воспользоваться моментом:

– Мы давно не были в городе. Расскажите о новостях внешнего мира!

Отец подавился дымом и закашлялся.

– Проклятый одурман, – пробормотал он, очистив легкие. Влажными глазами взглянул на сына, но тот не спешил ловить очередной укоряющий взор. Даймону не терпелось услышать ответ букиниста.

– О, вы находитесь так далеко, что не можете принять сигнал?

– Тут глухие места. Гарнизонная антенна транслирует лишь в пределах фермерских поселений, а геостационарные спутники... вы же знаете, что они сплошь военные и направлены исключительно в сторону орков.

Старик, на лбу которого красовался гомеопатический пластырь (Даймон собственноручно приклеил его), поежился.

– Орки, – вздохнул он. – Чернь. Мерзкое отребье. Выродившаяся нация рода человеческого. Если существуют дурные новости, то они обязательно связаны с ними.

– Не желаете ли одурману? – предложил отец.

– Нельзя мне курить одурман, – пробормотал Кристофер. – Поэтому хочу его ужасно.

– Давайте сядем в каминной комнате, там удобнее курить трубку, можете мне поверить.

Камин, сложенный одним из предков, на первый взгляд выглядел угрюмо – темный, громоздкий, слегка неуклюжий. Но морозным зимним вечером, когда за стенами завывает вьюга, охвативший поленья огонь кажется третьим жильцом утопленной в глуши звероводческой фермы. И не найдется в доме другой комнаты, которая создавала бы подобный уют. Однако внимание старика приковал не камин. Едва переступив порог, букинист уставился на вытянутое зеркало в углу.

– Откуда у вас оно? – спросил гость, с некоторым испугом разглядывая массивную, но строгую оправу из окаменевшей лавы, изрезанную узорами в виде темных лилий, лепестков с острыми краями, стрел какой-то травы, не растущей на Рохе. За семнадцать лет своей жизни Даймон привык к зеркалу, оно было для него таким же близким, как и камин, растопленный зимним вечером. Но сейчас, взглянув на него свежим взглядом, он увидел темное чудище, закрывшееся в угол.

– Зеркало? – Отец вопросительно поднял правую бровь. Затянулся из трубки, затем изрек: – Оно стоит здесь давно, еще со времен моего прапрадеда. По рассказам, он отыскал его в руинах поселений, на которых позже был выстроен Гарнизон. А что?

– Да так, ничего.

Они опустили в кресла, накрытые медвежьими шкурами, причем старик сел в дальнее от зеркала. Букинист поблагодарил за трубку, которую ему протянул Ротанг. Долго раскуривал, затем с первой выпущенной струей зима произнес:

– Новости-новости... Нерадостные новости появляются в последнее время. Хочется света и жизнелюбия, а вместо этого слышишь, что орки зашевелились по другую сторону границы. И не просто зашевелились. Они множатся, подобно гнусу по весне. Говорят, собралась уже целая тьма.

– Кто говорит? – с недоверием спросил отец. – Разве кто-то умудрился побывать на другой стороне?

– Так-то оно так, – мрачно ухмыльнулся старик. – По собственной воле человек туда не сунется, а если сунется – назад дороги не сыщет... Но ведь в командовании Пограничного флота не дураки сидят. И не напрасно подтягивают в Бутылочное Горлышко все новые и новые крейсера. – Он сделал длинную затяжку, долго держал дым в себе, затем выпустил его и, окутанный сизыми клубами, произнес: – Черная волна вот-вот обрушится на берег человеческой цивилизации. Твари готовят вторжение в Верхние миры. Война грядет! Не та возня в системе Диких, которую затеяли церковники. Настоящая война – лютая, злая. Такая война, какой не было тысячу лет. Война с Бездонным миром.

До крайности заинтересованный Даймон старался не упустить ни единого слова.

– Это кажется невозможным, но племена Мертвых Глубин объединились. Да-да, все объединились, кто раньше грызся между собой! И те, которые отрезают себе носы, и гнилозубые, и норманны-каннибалы, и даже создания, о которых в добром доме и говорить не хочется... Все они встали под начало Врага человечества – того, чье имя скрыто в пылевых туманностях и недрах планет. Он, Владыка Хеля, поведет их... Темный Конструктор.

Отец демонстративно кашлянул. Старик захлопал ресницами, словно вышел из забытья.

– Вы не верите, что во тьме Хеля существует Темный Конструктор? – спросил он.

Вместо ответа Зверолов-старший обхватил губами мундштук, всасывая дым. Его неторопливость в очередной раз послужила поводом для того, чтобы неугомонный Даймон озвучил свои неугомонные мысли:

– Вот бы началась война! Тогда союзные войска показали бы нечестивцам, где их место! А уж паладины и вовсе разнесли бы орков в прах и пепел!

Отец резко поднялся с кресла. Его лицо, обычно спокойное, сейчас вспыхнуло гневом.

– Зверолов-младший! Что несет твой поганый язык! Понимаешь ли, о чем говоришь? Война – это зло само по себе. Потому что в первую очередь пострадают не орки, а жители мирных планет, которых затронут битвы. Война не бывает правильной, она неправильна по сути, потому что приносит несчастья. Мы должны уповать на то, чтобы ее не случилось. А желание войны уподобляет тебя грязным оркам.

Даймон пристыжено опустил глаза и отступил от кресла отца.

– Значит, вы не верите в Темного Конструктора? – заключил старик.

– Нет, – скупо ответил отец.

– А я верю, – с некоторым простодушием поведал букинист. – Верю, что существуют высшие силы. Что наш бог – Всевышний Десигнатор, а бог орков – Темный Конструктор. Я верю в баланс звезд божьих.

– Что такое эти звезды? – шепотом спросил из темного угла Даймон.

– Вот и видно, что вы не верите... – усмехнулся старик. – В «Апокрифах» говорится, что каждому богу сопутствует звезда. Звездой Темного Конструктора является лучащая мертвенный свет Таида, сокрытая от посторонних глаз на самом дне Нижних миров, в глубинах Хеля. Звезда Всевышнего нашего находится в огненном ядре Верхних миров, в созвездии Волка. Так вот, главной скорбной новостью для людей является то, что звезда эта погасла.

– Что это значит? – спросил Зверолов-младший. Отец вытащил трубку изо рта и рассеянно глядел в пустой камин.

– Это значит, – ответил старик, – что бог наш Десигнатор мертв. И миллиарды людей Верхнего мира, верующих и неверующих, остались без поддержки и любви Создателя, на свои волю и разумение. Остались одинокими в недобрый час перед лицом Врага.

Ротанг Зверолов с недовольством посмотрел на Суеверного Букиниста, но ничего не сказал.

3

*Храм Десигнатора,
Центральный материк, Гея Златобашенная*

Серафима осторожно посмотрела вниз с высоты посадочного блина, куда ее доставил аэролимузин. Многотысячная толпа, заполонив улицы, несколькими шевелящимися потоками затекала внутрь храма. С высоты казалось, что люди не по своей воле движутся к помпезной исполинской башне, – это она засасывает их в свои недра, словно ужасный хтонический змей. Золотая скульптура последнего, кстати, располагалась двумя ярусами ниже на широком карнизе. Придавив пятой змеиное тело, героического вида проточеловек с тщанием раздирали чудовищу пасть.

– Аэролимузин епархии встретил их возле перрона межконтинентального экспресса. Через десять минут сиятельная дочь вместе со свитой была доставлена к храму, на одну из высотных площадок для особо важных персон. Здесь они задержались, ожидая представителя Церкви.

Пока разгружался багаж, пресс-секретарь проверял какие-то записи в электронном блокноте, Шахревар задумчиво смотрел на исполинскую башню, уходящую в небеса. Нина Гата поправляла платье с таким строгим видом, словно собиралась отчитать кого-то за помятые складки...

А Серафима не могла оторвать взгляда от колышущегося океана людей, в котором утопали основания башенных зданий. Она чувствовала, как в ней поднимается волнение перед неведомой силой, которая собрала в одном месте столь необъятную толпу. Нет, не могут так много людей прийти на проповедь исключительно «ради поддержания общечеловеческой веры», как выразилась мама. Эти люди всем сердцем верят в покровителя Верхних миров. И девушка испытывала откровенную зависть.

– Сейчас же отойдите от края, – потребовала наставница. – Ваша жизнь представляет исключительную ценность для государства и не следует подвергать ее опасности.

– Сколько же там людей, Нина! – изумленно пробормотала девушка. – Как бы я хотела спуститься к ним. Побродить в толпе, заглянуть в лица, поговорить...

Услышав эти слова, Шахревар встревожено повернул голову. Он, видимо, с живостью представил сиятельную дочь в толпе и даже успел ужаснуться, что отразилось лишь в его стальных глазах.

– Что за бредни! – возмутилась наставница. В углах ее тонких губ проступили строгие морщины. – Ваше место здесь, а место толпы там, внизу. К тому же через несколько месяцев состоится ваша свадьба, а так называемый выход в люди может инициировать серию провокационных статей в желтой прессе. Если, не дай бог, вы поговорите с симпатичным незнакомцем – и вовсе разразится скандал! Смею напомнить, что фамилия Морталес не попадала в скандальные заголовки вот уже триста двадцать пять лет!

– Я понимаю, – покорно ответила Серафима.

Упоминание о предстоящей свадьбе – важном событии как в личном, так и государственном плане – отвлекло ее от раздумий о верующих. В памяти всколыхнулся светлый образ жениха, и девушка даже взгрустнула по нему. Русоволосый и светлоокий Уильям Харт, классический аристократ с безупречными манерами, являлся одним из тщательно отобранных молодых людей, кто был удостоен чести принять великую фамилию Морталес. Он много учился, в двадцать три года уже имел две ученые степени – по философии и внутренней политике, говорил на нескольких галактических языках. По всем данным Уильям более остальных кандидатов подходил для статуса мужа Великой Семьи, что к тридцати годам автоматически возводило его в ранг законотворца и государственного деятеля Союза...

Недолгой заминке в церемонии прибытия положил конец появившийся из ворот храма архиерей. Он был невысокого роста... в общем, можно сказать, был мелким. Серафима с удивлением обнаружила, что оказалась на целую голову выше почтенного помощника митрополита.

В силу положения, но скорее из-за преклонного возраста, архиерей ступал неспешно, а движения его были размеренными. Лишь похожие на пуговицы глаза живо оглядывали вновь прибывших.

– Сиятельная Серафима! – произнес он высоким, иногда срывающимся на фальцет голосом. – Ваша красота подобна солнцу. Невозможно выразить, какую радость мне приносит знакомство с вами.

– Я много слышала о вас, отец Левий, как о преданном слуге Господа нашего, – ответила Серафима, поклонившись.

– Все мы преданы богу. – Он смущенно кашлянул. – От имени епархии примите глубочайшие извинения за досадную задержку. Почтенных людей сегодня прибывает так много, что мы не успеваем встретить каждого.

– Я никакой задержки не заметила, – улыбнулась девушка.

По длинному прямому коридору они направились в глубь храма. Серафима и архиерей неспешно шли впереди, свита следовала на некотором расстоянии, чтобы не мешать разговору высокопоставленных особ. Сиятельная дочь, правда, предпочла бы иметь рядом опытного пресс-секретаря Антонио, который становился умным и серьезным, когда это было необходимо. Без его поддержки девушка чувствовала дрожь в желудке и сухость во рту, которая мешала вести беседу.

– Вы удивительно похожи на свою мать, – поведал Левий, не глядя на спутницу. – И лицом, и станом, и речью. Надеюсь, что со временем вы станете достойной преемницей Фреи в делах высшего света и высшей политики... Я только что узнал о болезни вашей матери. Как она чувствует себя?

– Кризис миновал, но она еще слишком слаба, – ответила Серафима, изо всех сил сдерживаясь, чтобы на щеках не проступил стыдливый румянец.

– Я буду молиться за нее, – сказал архиерей. – Видит Господь, что не существует в галактике женщины, более чуткой и благонаправленной, чем Фрея Морталес.

– Ко всем достоинствам, она еще и замечательная мать.

– Иначе и быть не может. – Левий повернулся к Серафиме и назидательно воздел указательный палец. – Душу человека формирует кровь. А кровь Фреи подобна ихору, крови божьей – искрящейся, серебристой, благодатной. Таковы и дела вашей матери.

– Красиво сказано, святой отец.

– Сие есть непреложная истина... Кстати, о Господе нашем. Среди людей гуляют дурные слухи, связанные с угасшей звездой. Церкви Единой Веры не нравится ропот толпы. Поэтому на сегодняшней проповеди митрополит выразит наше отношение к данному событию и снимет все вопросы.

– Собирается ли выступить президент? Левий сбился с шага.

– В конфиденциальной беседе с митрополитом Калигула высказал следующее мнение. Что ему, дескать, безразлично, жив сейчас Десигнатор или нет, поскольку это не влияет на мощь Союза и его макроэкономику.

– Вот клоун!

Серафима едва не провалилась сквозь пол от стыда. На мгновение она подумала, что слова сорвались с ее языка. Но оказалось, что сзади к ним незаметно подкрался Антонио и, услышав последние слова архиерея, отреагировал на них с присущей ему прямоотой.

– Простите, что вы сказали? – обернулся к нему Левий.

– Я сказал, что колонизаторская политика туманит взор уважаемого правительства.

Они остановились возле дверей палат, в которых Серафиме и ее свите предстояло разместиться до начала церемонии.

– Каким будет ваше мнение о событии в созвездии Волка? – спросил Левий девушку. – Вы придерживаетесь такого же мнения, что и президент?

Она на мгновение задержалась с ответом, а затем выдала такое, от чего Антонио почувствовал гордость за нее как начинающего политика.

– Я считаю, что данное событие имеет слишком сложный характер, чтобы трактовать его однозначно. Вполне возможно, что имеются дополнительные обстоятельства, которых мы не знаем, но которые являются серьезным фактором для перемены нашего мнения.

– У-у... – прогудел озадаченный Левий и быстро попытожил разговор, – ... у-увидимся позже. Я должен встретить представителей других Великих Семей.

Коротко поклонившись, он поспешно удалился. Серафима растерянно посмотрела ему вслед, затем вопросительно глянула на Антонио. Тот показал, что все в порядке, и решительным шагом направился в палаты. За ним последовала остальная свита.

Серафима вздохнула и медленно пошла за остальными, мучительно переживая о том, что за один разговор умудрилась солгать дважды. Больше, чем за полгода ее обычной жизни.

Шахревар внимательно осмотрел небольшой коридор, ведущий в палаты, заглянул за портьеру, которая закрывала нишу в стене. Не обнаружив ничего подозрительного, прошел в комнаты.

Глядя вслед телохранителю, Серафима вспомнила слова матери о том, что сокровище своего мнения есть не ложь, а государственная необходимость. Исполнительная власть приходит и уходит, а фундамент Союза в лице пяти Великих Семей должен оставаться крепким и нерушимым. Именно пять высокородных династий решают, что правильно, а что нет. Именно они формируют законы и контролируют деятельность правительства. Они имеют на это право в силу своей великой истории, глубокого ума и незапятнанной репутации. Люди всегда смотрели на них и брали пример. Давным-давно Великие Семьи определили, что вера в бога является основой союзного государства. Теперь их долг заключается в поддержании этого принципа. «Личными убеждениями приходится жертвовать, – говорила Фрея, – но исключительно ради благополучия Союза».

Пока девушка убеждала себя в необходимости политической лжи, получилось так, что в палаты она вошла последней. И служанки, и взрывоопасная пара Нина Гата с Антонио, и даже телохранитель оказались впереди. Стражники-крестоносцы закрыли за Серафимой двери, и едва она собралась присоединиться к остальным, как рядом с ней послышался тихий голос:

– Фрея, постойте. Серафима замерла.

Голос раздавался из-за портьеры, которую уже проверил паладин. Голос был тихим, лишенным интонаций. Незнакомый называл имя матери, но, несомненно, обращался к девушке.

Она секунду раздумывала, стоит ли позвать Шахревара. Незнакомцы, возникающие за проверенной портьерой, – работа как раз для телохранителя. Но по какой-то причине, неведомой даже ей самой, решила не делать этого.

– Но я не... – попыталась объяснить она.

– Пожалуйста, не перебивайте и выслушайте внимательно. У меня нет времени, а вопрос очень важный. Жизненно важный! Он касается будущего Союза.

Серафима покорно замолчала, стараясь держать себя в руках, хотя это было нелегко.

– Я не открою свое имя. В настоящий момент моя личность не имеет значения. Скажу лишь, что я друг... – Голос умолк, а сиятельная дочь вдруг осознала, что незнакомец явно привык повелевать, но сейчас сильно растерян. И это напугало девушку. – Я долго думал,

кому можно довериться. И понял, что из всех государственных деятелей Союза лишь вы, Фрея, являетесь олицетворением мудрости, нравственности и духовной чистоты.

– Прошу вас, но я...

– Нет, только вы! Вы всем сердцем переживаете за судьбы человечества. А потому вы единственная, кому я могу довериться.

Из портьеры появились руки в черных перчатках. Они держали круглый предмет, обернутый в темный бархат. Серафима не хотела брать эту вещь, но сама не поняла, как довольно весомый... скорее всего, шар очутился в ее руках. И едва пальцы коснулись мягкого бархата, едва они ощутили твердость предмета, скрывающегося под ним, как внутри себя Серафима почувствовала толчок. Словно кровь внезапно прилила к голове и конечностям.

– Сохраните святыню, ибо я не в состоянии ее хранить, а большей ценности в настоящий момент не существует. Следующим моим словам вы не поверите, потому что я скажу безумную вещь. Поэтому просто запомните их, чтобы повторить, когда придет час. Это святыня, которая спасет род человеческий. Но как спасет – решать вам. Я же не вправе советовать. – Серафима услышала короткий вдох для новой фразы. – Вы должны решить, что делать с ней. Используйте мудро и помните: это последнее, больше нет.

– Я ничего не понимаю! – дрожащим голосом произнесла Серафима.

– Когда вы сдернете ткань, то поймете. А когда поймете, то ужаснетесь, ибо настолько все плохо, да. Можете мне поверить, она настоящая, никаких сомнений! Поэтому берегите ее, как собственных родителей, и не передавайте никому!

Голос умолк. Вслед за этим раздался тихий тяжелый скрежет.

Некоторое время Серафима не могла сдвинуться с места. Почему-то гудело в голове. Затем она повернулась к портьере и, прижав шар к животу, отодвинула тяжелую занавеску. За ней скрывалась стенная ниша, в которой разместилось большое, размером в человеческий рост, зеркало. Едва девушка протянула руку, чтобы дотронуться до него, как услышала за спиной голос Шахревара.

– Что-то случилось, госпожа?

Серафима провела кончиками пальцев по холодной поверхности, которая отражала ее бледное изумленное лицо. Между оправой зеркала и стеной виднелась едва заметная щель. За зеркалом находился потайной ход.

– Я ощутил эмоции, – произнес паладин. – Чужие и взволнованные.

– Наверное, кто-то прошел по коридору, – ответила сиятельная дочь.

«Никого нет за портьерой, ничего не произошло», – уверяла себя девушка. Словно мимолетный сон налетел и испарился. Только после этого сна в руках остался укутанный бархатом шар, от которого исходило загадочное тепло.

Отрешенная и задумчивая, Серафима вошла в палаты. Служанки распаковывали вещи. Пресс-секретарь Антонио расположился в кресле и курил. Наставница нервно бродила по комнате.

– Что у вас в руках? – подозрительно спросила Нина Гага, едва увидев вошедшую Серафиму.

Девушка понимала, что должна ответить, но не нашла, что сказать. Взгляд наставницы метнулся в сторону Шахревара, который шел следом, но по лицу паладина прочесть что-либо было невозможно. Нет сомнений, что позже, при встрече один на один, Нина Гага попытается выведать все, что ему известно. Однако сейчас, на глазах у сиятельной дочери, устраивать допрос было бестактно.

Серафима собиралась пройти в комнату, отведенную специально для нее, но Нина перегородила путь, встав так близко, что на девушку дохнуло ароматом приторно-горьких духов, которыми пользовалась наставница.

– Немедленно покажите, что у вас в руках, маленькая леди. На правах смотрительницы ваших манер я обязана это знать.

Серафима отступила на шаг и робко взглянула в худое лицо наставницы.

– Пожалуйста, пропустите меня.

– Сначала вы снимете бархат с этой вещи.

– Я... я не могу этого сделать.

– Тогда это сделаю я!

– И вы не страшитесь того, что откроет бархат? Я, например, не готова снять его. А вы, значит, готовы?

Нина окаменела, совиные глаза от удивления расширились. «Если она подберет слова, – подумала Серафима, – то я больше не смогу противиться ее воле».

И это должно было случиться. Тонкие губы наставницы шевельнулись, готовые выдать фразу, на которую у девушки не окажется ответа...

– Наставница Гата не убоится заглянуть даже в глотку хтонического змея, если почует интригу в его желудке.

Это был Антонио! Язвительный Антонио, добрый спаситель. Он почувствовал угрозу и выдал шутку в нужный момент – не раньше, не позже. Фраза угодила точно в цель. Она перевела внимание наставницы от Серафимы на давнего врага.

– А вот за эти слова, протогиреец, ты заплатишь! – сдавленно прошипела Нина, пронзив пресс-секретаря беспощадным взглядом. В ответ Антонио беззаботно улыбнулся и выпустил в воздух струю дыма.

Признательная другу до глубины души, Серафима сорвалась с места и прошла мимо наставницы, зацепив ее плечом. Когда Нина Гата обернулась, девушка уже находилась в спасительных покоях.

Она сидела на краю широкой, словно поле, застеленной кровати. Шар, завернутый в бархатную ткань, лежал на коленях. Сжимая его ладонями, Серафима ощущала легкое, покалывающее тепло. Еще она чувствовала непонятное шевеление, словно под тканью находился живой человеческий эмбрион в плаценте. Сравнение вызывало в ней отвращение, но девушка не могла от него избавиться.

Однако странным было не только это, и даже не пьянящее головокружение и запах цветов. В душе девушки вдруг появились чувства, которые не могли быть вызваны безмятежной атмосферой покоев. Она испытывала блаженство, как если бы находилась рядом с матерью, и возбуждение, словно возлюбленный Уильям касался ее руки. Эти чувства пугали больше того, что ощущали ладони.

Снять бархат сиятельная дочь так и не решилась. Даже когда появившийся через час Шахревар сообщил, что церемония начинается, Серафима продолжала сидеть на краю кровати с таинственным даром на коленях...

Храм Десигнатора напоминал ракету, нацелившуюся к небесам. Такая форма имела определенный смысл, который заключался в устремлении к богу для воссоединения с ним. Каждое священнослужение проводилось исключительно в то время, когда шпиль храма оказывался нацелен на появляющееся в небе созвездие Волка.

Внутри башня Господа была полой. Верующие размещались на многочисленных внутренних балконах, свернутых в кольца. Читающий проповедь архиерей, а в особых случаях сам митрополит, располагался наверху под самым сводом в кафедральной кабине. Произносимые им фразы катились вниз, с каждым ярдом усиливаясь за счет прогрессирующей акустики, которую создавали внутренние стены и специальные резонаторы. Тем, кто находился на нижних балконах, каждое слово казалось громом, срывающимся с небес. Церемония производила на верующих воистину потрясающий эффект.

Именная ложа Морталес располагалась достаточно высоко. Отсюда превосходно просматривалась расписанная маслом и украшенная статуями кафедральная кабина. Серафима поглядела вниз и провалилась взглядом в пропасть колодца, стены которого шевелились от бесчисленного числа людей, устраивающихся на балконах.

Шахревар закрыл двери за ее спиной, и девушка осталась в ложе одна. Приближенные Серафимы – все, кроме телохранителя, – должны были сидеть двенадцатью ярусами ниже. Свита не имела права пребывать так высоко. Здесь полагалось находиться лишь избранным.

В соседних ложах стали появляться члены других Великих Семей: создатели законов, судьи норм и права, хранители морали и этики. Чуть ниже усаживались видные военные, члены кабинета министров и президентской администрации. Напротив Серафима увидела худощавую фигуру Игнавуса, который нес службу советника вот уже у четвертого президента Союза. Являясь человеком необычайной мудрости и глубокого ума, он знал все нюансы правительственной упряжи и законов, а кроме всего прочего был блестящим ученым – исследователем экстрасенсорных способностей паладинов.

Обитатели верхних лож почтено кивали и улыбались, приветствуя друг друга, в том числе и Серафиме. Девушка кивала в ответ, но улыбаться не могла. Голова продолжала кружиться, и она отошла от перил, чтобы не опрокинуться через них.

В кафедральной кабине появился сам почтенный митрополит. Он спустился откуда-то сверху в закрытом лифте с жемчужными крестами на стенах. Едва митрополит встал на свое место и поднял руку, как гомон человеческой толпы на ярусах стих, хотя некоторое время еще слышалось эхо, катящееся вниз. Но вот смолкло и оно. Митрополит, проведя рукой по длинной седой бороде, словно проверяя, на месте ли она, произнес громко:

– Приветствую вас, дети божьи! – Его низкий и приятный голос покотился вниз торжественно и зычно. – Приветствую вас в день святого праздника Завоевания Небес! Великий день, когда Господь наш освободил Верхние миры от Нечестивца; когда своим огненным мечом сбросил Зверя в Бездну и отправил следом все его мерзкое отродье!

Серафима медленно перевела взгляд с кабины митрополита на собственные руки, которые ощущали золоченую тесьму, которая стягивала бархат.

– И сегодня, в торжественный час, в наши души вместо радости закралась гнетущая тревога. Солнечный свет загородили облака. Светлый праздник оказался вытеснен из наших сердец суетным смятением. О чем я? Я говорю о слухе, который будоражит людей и сбивает их с пути истинного. Слухе о погасшей звезде божьей!

Говорили, что в молодости митрополит исследовал разночтения Святых Писаний, задумывался над сущностью бога и даже пытался выстроить новую концепцию церкви. Но прошло время, и, продвигаясь к вершинам церковной иерархии, он сделался тем, кем должен был стать в бюрократическом аппарате, перемалывающем мысль, – непримиримым догматиком веры и лидером крестовых походов.

«А стоит лишь потянуть за конец тесьмы, – подумала Серафима, – чтобы бархат слетел и обнажил то, что прячется под ним. Что невидимыми щупальцами ворошит душу и кружит голову. Всего лишь потянуть за тесьму, это так просто».

– И я счастлив сегодня за вас, дети божьи, – вещал митрополит над ухом, хотя девушке казалось, что его голос удаляется. – Счастлив, потому что подданные Тысячелетнего Союза явились в храм, чтобы продемонстрировать единство и веру всем отлученным, всем язычникам и всем неверующим! Явились в храм, чтобы выразить благодарность тому, кто сражался за нас и прогнал Зверя в пучину.

Серафима потянула за тесьму. Та легко поддалась.

– Сегодня всех нас мучает тревожный вопрос: правда ли? Правда ли то, о чем говорят на улице мегаполиса и на далекой космической станции? Правда ли то, о чем шепчутся домохозяйки и властители межзвездных концернов? И я отвечу, отвечу на этот вопрос. Вы

должны закрыть глаза, отрешиться от всего. И вы почувствуете. Почувствуете то, что чувствую я... Его присутствие! Благословение рода человеческого. Оно не исчезло, ибо погасшая звезда – это испытание нашей веры, которое он устроил! Отбросьте страхи и сомнения! Бог наш Десигнатор ЖИВ И ОН С ВАМИ!!

Серафима сдернула бархат и почувствовала, что не может вздохнуть, словно воздух в легких превратился в ледяную глыбу.

С первого взгляда она узнала то, о чем читала столько раз. Открытие повергло девушку в ужас, напоминавший холодных змей, расползающихся по телу, оплетающих и сдавливающих члены. Все представления перевернулись в один миг. Серафима вспомнила слова незнакомца о том, что она сразу поймет, насколько все плохо. Теперь было ясно, что слова эти сколь справедливы, столь и беспощадны.

Глазам ее предстал прозрачный шар, в котором искрилась и двигалась густая серебряная масса, пару часов назад описанная архиереем Левием.

В сосуде колыбался благостный ихор. Кровь бога Десигнатора.

4

Планета Виа Прима, система Диких Племен

Тяжелый крейсер «Каратель» развернулся степенно и грациозно, словно огромный, уверенный в своей мощи и неуязвимости кит. Хромированным боком с щелями для взлета истребителей, торчащими пушками и турелями он лег на верхние слои атмосферы планеты, которая на первый взгляд казалась каменистой и лишенной жизни. Но только на первый взгляд.

Виа Прима была оплотом непримиримого народа, которого правительство Союза называло Дикими Племенами, а Церковь Единой Веры – язычниками. Поверхность планеты раскалывали глубокие трещины и ущелья. Иногда они тянулись на многие мили, иногда углублялись почти до окаменевшего ядра и служили приютом для озлобленных аборигенов.

Телескопы крейсера были устремлены к участку поверхности, называемому Равнинами Нейтральности, на котором два автоматических зонда двигались по краю узкого, но глубокого ущелья. Картинка транслировалась в боевую рубку «Карателя», где за изображением внимательно следили диспетчеры, операторы, наводчики и сам капитан крейсера. Однако кроме них в помещении находился еще один человек. Закинув ногу на ногу, он сидел в дальнем углу, скрытый полутьмой. Именно из его уст раздался короткий приказ:

– Вход.

Коротким щелчком клавиши диспетчер отправил команду на сотню миль вниз, к поверхности планеты. Поймав ее практически мгновенно, машины соскочили с края ущелья и нырнули в темный скалистый разлом. Теперь они мчались над раскрытой пропастью, все более уподобляясь прозвищу, которое ненавязчиво приклеилось к автоматическим зондам, – мертвяки.

Капитан и его помощники уже не отрывались от огромного панорамного экрана. В его левом углу вспыхнули прямоугольники окон, в которых замелькали инфракрасные и рентгеновские изображения с бортовых камер зондов. На изображение основного экрана легла серебристая сетка. Анализируя в режиме реального времени каждую скальную неровность, компьютер тут же выдал длинный бегущий список. Он искал скрытые зенитные точки, замаскированные гнезда истребителей и просто людей с переносными ракетными установками. И, как всегда, опоздал со своим анализом.

Появившаяся из ниоткуда огненная стрела врезалась в левый зонд и, подбросив его, разорвала на части. Не потерявшие скорость полыхающие обломки еще долго катились по стене ущелья. Второй зонд резко рванул вверх, уходя из-под целой копны жарких лазерных лучей.

– Цель зафиксирована! – проворно выкрикнул сержант-оператор.

– Залп, – негромко произнес из своего угла человек, скрытый тенью. – Накрыть ублюдков.

Обращенный к планете борт крейсера полыхнул огнями стартовавших ракет. Идеальным строем, образующим «галку», они за считанные секунды прошли атмосферу и ювелирно обрушились на стену ущелья, где пряталась огневая точка.

Клубы взрывов взметнулись к небесам.

Никто из людей в боевой рубке не испытывал иллюзий. Ракеты взорвались в верхней части ущелья, у самой поверхности. Зенитная установка была уничтожена, хотя Дикие иногда успевали откатить орудие в глубокие тоннели. В любом случае обнаружена лишь вершина айсберга. Аванпост. Дальше на глубине могут находиться другие зенитки, за кото-

рыми в толще скал скрываются протянувшиеся на десятки миль подземные коридоры, залы и ангары с техникой, летательными аппаратами и даже боевыми звездолетами.

Штурмы ущелий напролом, которые предпринимались поначалу, с проникновением вглубь на тяжелых судах и высадкой десанта, каждый раз заканчивались разгромом Союзных войск. Осознав всю бесперспективность массированных атак, руководство флота перешло к тактике «последовательной зачистки». Работали по таким крошечным объектам, как наружные зенитные установки. Уничтожали их, уничтожали заградительные заслоны, проникали глубже, высаживали десант, уничтожали второй эшелон... пробирались и пробирались вниз до тех пор, пока ущелье и поселения в нем не оказывались под полным контролем.

– Еще один проход новой парой, – произнес человек из угла.

Капитан подал знак диспетчеру. Два новых зонда отделились от «Карателя» и устремились к поверхности планеты.

– Господин адмирал! – раздался негромкий голос оператора связи. – Срочное послание из столицы, закрытое на ваш личный шифр. Вам угодно посмотреть его здесь или в личных апартаментах?

Человек в кресле некоторое время сидел неподвижно, затем поднялся и вышел из тени. Он оказался невысоким и коренастым, с узким прищуром глаз уроженца морозной планеты Алгор и выдвинутой вперед нижней челюстью.

– В апартаментах, – ответил он и посмотрел на капитана «Карателя». – Примите на себя командование операцией. Полностью пройти ущелье зондами. Высадить десант, зачистить края. В помощь десанту – два паладина, по одному на край. Далее по этапам стандартной процедуры. Действуйте энергично и безжалостно.

Два десятка офицеров подскочили со своих мест и вытянулись в стойке, провожая адмирала, покидающего боевую рубку «Карателя».

Выйдя через центральный шлюз, алгорец долго шел по коридорам крейсера. Оказавшись в адмиральских покоях, он тщательно запер дверь, прошел в кабинет и, идентифицировав свой ДНК прикосновением к детектору, включил экран связи.

Присланная с Геи шифрограмма оказалась короткой.

Сверхсрочно! Сверхсекретно!

Командующему Крестоносным флотом адмиралу Михаилу Балнигану. Вы обязаны без промедлений прибыть на прием к президенту в связи с назначением на должность главнокомандующего Вооруженными силами Тысячелетнего Союза.

Глава администрации верховный советник Игнавус.

Он выключил экран и удалил сообщение. Повернулся к огромному от пола до потолка зеркалу в тяжелой оправе. Подошел к нему и стал рассматривать свое отражение так внимательно, словно пытался увидеть что-то за ним, в глубине.

– Началось, – негромко произнес адмирал.

5

*Материковые леса,
планета Рох*

Это была лишь палка, выточенная из древесины железного дуба, тупая с обоих концов. У основания она имела нечто вроде рукояти с ободом, который обозначал границу охвата. «Выше брать нельзя, – говорил отец, – выше начинается клинок, острый как бритва». И Даймон воображал его. Смотрел на потемневшую древесину, на закругленный конец – и представлял изящный клинок из дамьянской стали, слегка выгнутый, совсем чуть-чуть: он гудит, когда ведешь ладонью по одной из сторон, и издает благородный звон от щелчка ногтем. Стороны отполированы точно зеркало, чтобы видеть врага позади себя, обух стройный, как девушка, а лезвие... о, лезвие заслуживает целой поэмы! Один раз и навсегда оно заточено филлийскими мастерами под углом, про который написаны целые трактаты и который выверен до тысячных долей градуса. Подобное лезвие рассекает кости и плоть с такой же легкостью, как проходит сквозь воздух.

Все это Даймон видел в своей деревянной палке, при помощи которой отец обучал его забытому искусству фехтования. В мире больше не существовало мечей, последний филлийский мастер умер с проклятиями полторы тысячи лет назад, когда монарх Северных Созвездий приказал переплавить все известные катаны. Зачем они нужны, когда есть реактивный пистолет или бластер? Кто пойдет с мечом против огнестрельного оружия, бьющего точно и с расстояния? Так и умер филлиец, унеся в могилу секрет изготовления катаны. А следом могло уйти в небытие великое мастерство владения этим оружием, если бы не род Звероловов.

«Фехтование – это древнее искусство, – говорил отец. – И, как любое искусство, как картина эпохи Ренессанса или статуя ветхих времен, оно должно быть сохранено. Поэтому учись фехтованию, Даймон, чтобы хранить его, нашу реликвию. Ты должен передать эти знания своим детям, чтобы и они тоже хранили и передали детям своим».

– Ну что, мой друг? – шепотом произнес Даймон, обращаясь к палке. Он бережно опустил ее на специальную подставку, стоящую на самом видном месте в его комнатенке. – Встретимся завтра. И пусть тебе придут сладкие сновидения.

За окном стояла ночь. Даймон вышел в тесный коридор, бесшумно приблизился к двери отца – благо был этому обучен самим отцом – и некоторое время прислушивался к звукам, доносящимся из комнаты родителя. После этого, не включая свет, прошел через весь дом, через темную кухню, где споткнулся о робота-уборщика и едва не распластался по полу. Прошел мимо каминной комнаты и оказался, наконец, возле двери гостиной, за которой находился букинист Кристофер.

Нерешительно потоптавшись у порога, юноша осторожно постучал.

– Да-да, войдите! – невнятно раздалось изнутри.

В столь поздний час букинист спал, и Даймон, без сомнений, разбудил его. Старик тер глаза и сторонился зажженного светильника, горящего лишь над кроватью. Остальные части комнаты окутывал ночной мрак.

– Молодой Зверолов! – удивился Кристофер. – Какая забота привела вас сюда?

– Я надеялся поговорить с вами. Завтра утром не получится, а в полдень вы нас покинете.

– Да, я намереваюсь вернуться в Преитон. Нужно собрать денег на новый гравилет. Без транспорта торговать книгами затруднительно. Я должен вернуться в Преитон. Ваш отец обещал помочь мне добраться до города.

– Без сомнений, он выполнит обещание. Я пришел поговорить с вами кое о чем. С глазу на глаз, чтобы не слышал отец. Видите ли, он не верит в потусторонние силы, которые управляют человеческими душами.

– Да уж, – ухмыльнулся Суеверный Букинист, – я заметил.

– Не верит, а потому ничего мне не рассказывает! Не рассказывает о Нижних мирах, не рассказывает о Хеле, об орках... о Темном Конструкторе. А мне необычайно интересно знать! Страсть как хочется узнать обо всем, что находится там, по другую сторону границы. В Мертвых Глубинах.

Старик несколько раз моргнул, стряхивая остатки сна, спустил худые ноги с кровати и посмотрел на Даймона, потирая щетину.

– Жажда знаний, – произнес он, ткнув в направлении юноши худым пальцем. – Вот что мне нравится в людях! Жажда знаний заставляет их покупать книги.

– Так вы расскажете? Простите, что я пришел посреди ночи. Но отец не позволил бы мне...

– Конечно, я расскажу! Как я могу утаить знания от страждущего, словно воду от пилигрима, заблудшего в пустыне! Не стой же!

Даймон присел с другого конца кровати на самый ее краешек, туда, где заканчивалась область света, где за спиной начинался щемящий сумрак.

– Есть разные свидетельства о Нижних мирах. Есть, например, священное писание «Апокрифы»... Ты читал их?

Даймон отрицательно помотал головой.

– И правильно. В этом фолианте много всего намешано: не поймешь, что правда, а что вымысел переписчиков, борющихся со своей бурной фантазией. «Апокрифы» не дают точного представления. Но существуют другие сведения, которые хранятся в архивах Великих Семей и правительства. Стародавние свидетельства очевидцев, которые побывали за Черным Кордоном и вернулись обратно – живые и не повредившиеся рассудком. Это протоколы допросов орков, плененных во время последней войны. Рядовые в силу их слабой информированности рассказали немного, но и эти данные важны для понимания атмосферы, которая царит в их треснувшем мире. А еще существуют запрещенные церковью книги. Гримуары. Они имеют весьма туманное происхождение. Наиболее известны «Скрижали голода». В моем багаже находится трактат одного теолога, изданный около трех веков назад. Сам он бывший священник, за еретические мысли проклятый самим митрополитом Иоанном Седьмым. В своем труде теолог делает ссылки на эту книгу, приводит цитаты и некоторые иллюстрации.

– Что находится там, внизу, за стеной черных дыр?

– Там находится галактика. Она чем-то напоминает нашу, но она мрачная и бездонная. Ее населяют разные твари, которые произошли от людского рода. Да-да, в это трудно поверить, но орки являются вырожденками племени человеческого, их кровь потеряла пигментацию и сделалась серой и грязной. Давным-давно, в начале времен, они изувечили свои гены множественными кровосмешениями и ритуальными пытками.

– Зачем? – ужаснулся Даймон.

– Чтобы внешней и внутренней бесчеловечностью походить на бога своего – того самого, которого называют Темным Конструктором. Тысячу лет назад племена орков были разрозненны и постоянно грызлись между собой. Это помогло объединенным силам звездных государств освободить планеты Бутылочного Горлышка и сбросить чернь в их логово, в пространство за кольцом из черных дыр... Ходят слухи, что за последнюю тысячу лет Темный Конструктор объединил племена орков под своим началом. Зачем? Для чего? Думай сам, я все сказал – Старик заговорил шепотом. – А еще, как нарочно, произошло то, что вселило тревогу в людские сердца. Погасла звезда Десигнатора. Всевышнего, покровителя людей и

защитника света. Невероятное, невозможное событие, но оно, увы, случилось. И если вправду бог Десигнатор мертв, то нет сомнений, что именно Зверь приложил к его гибели свою грязную лапу. Уж слишком все совпало – объединение племен и погасшая звезда, которая является главным символом на гербе Союза.

– Что же будет дальше? – с тревогой спросил Даймон.

– Предположить нетрудно. Владыка Хеля решил вломиться в мир людей. Для чего ему это нужно? Сей вопрос более сложный, чем кажется на первый взгляд, но не так важен в настоящий момент.

– А что важно?

– Грядущая война, которая потрясет Тысячелетний Союз. Знаешь ли, очень неприятно и жутко остаться в такой войне без поддержки бога.

– Но армии Союза непобедимы, – возразил Даймон. – И Бутылочное Горлышко принадлежит нам. У черни нет ни единого шанса для вторжения.

– Только на это и приходится уповать.

– Что же такое Хель?

– Это самое дно Нижних миров. Скопление звезд, излучающих темный свет. Не черные дыры, нет! Темные звезды. В книгах сказано, что за ними спрятана Бездна, чьей владыкой и является Темный Конструктор. В ней витают проклятые мертвецы и ужасные хтонические чудовища. Последним не нужен воздух, они живут в космосе – сосут плазму темных солнц и пожирают души мертвых, которые бродят по окаменевшим планетам Баратрума. Возможно, эти чудовища и выдумка: книги описывают их довольно туманно, и вполне может оказаться, что данные твари являются фантазией переписчиков. Но есть другие существа, которые чаще упоминаются в гримуарах и священных писаниях. Это преданные слуги Темного Конструктора, его элита, супервоины. Их называют сенобитами. Жестокие и коварные демоны, наделенные сверхъестественной силой. Эти создания ужаснее даже хтонических чудовищ, потому что совсем недавно были людьми... лучшими из людей. Их украли из Верхних миров, а затем утопили в ледяных глубинах Хеля. Пытками Зверь сломал их тело, а хитрыми уловками перекроил душу и перестроил сознание. Он выкачал из них человеческую кровь и заменил ее на мерзкую плазму, приготовленную из растопленных кристаллов туманностей Хеля и трупной вытяжки. Он превратил людей в монстров, жестокость которых не знает границ.

– Сенобиты, – зачарованно повторил Даймон.

– Они управляют племенами черни, они ведут на битву сонм гадких звездолетов, они выполняют личные поручения Темного Конструктора... Тут у меня есть картинка.

Букинист распахнул книгу, ветхие пыльные страницы зашелестели под его пальцами. На каком-то развороте он остановился.

Старый потемневший рисунок изображал облаченных в черные одежды существ. У них были лысые черепа и белые бескровные лица.

– Из сенобитов выделяются двое. Первый – это Рап, правая рука Темного Конструктора. Фанатично преданный своему хозяину – он главный исполнитель воли Зверя и его карающий меч. У него отрезаны губы и длинная коса до пояса. Он страшен, он ненавидит людской род и обладает небывалым могуществом. Победить его невозможно... Вот рисунок из «Скрижалей голода», выполненный по рассказам дагарского мальчика, который видел сенобита издали и чудом остался в живых.

Карандашный рисунок являлся лишь легким наброском, но при взгляде на изображение существа, затаенного в узкую сутану с широким подолом, становилось не по себе и хотелось чем-нибудь накрыть картинку. Пугали оскаленные зубы, лишённые прикрывающей их плоти; череп был лысым за исключением затылка, на котором уцелевшие волосы собира-

лись в длинную черную косу. Взгляд был беспощаден к любым проявлениям жизни. В руке, испещренной симметричными шрамами и рубцами, сенобит держал угловатый крюк.

– Что это? – спросил Даймон, указывая на крюк. Старик глянул на картинку.

– Какой-то инструмент, который запомнил мальчишка. Его назначение неизвестно. Для оружия слишком мал. Вероятно, предназначен для пыток невинных существ. – Он перевернул страницу, и на Даймона уставилось лицо, с дьявольским старанием изувеченное симметричными шрамами, разрезами и насечками. – А это Натас, сладкоголосый обольститель. Он строит планы, анализирует данные, поступающие из разных концов галактики. Он идеолог и главный служитель культа. Он более древнее существо, нежели Рап, но сила его меньше. Недостаток ее он компенсирует хитростью и коварством.

– А где изображение их хозяина?

– Таких изображений не существует. Личность Темного Конструктора остается загадкой. Одни, кто его видел, ослеплены тьмой и сошли с ума. Другие превратились в его рабов. Скажу более, никто даже не ведает его настоящего имени! Оно сокрыто в недрах окаменевших планет и толще времени. Ни орк, ни человек не должен знать его. Как только ты произнесешь имя полностью – голосом или в мыслях, – Зверь немедленно явится, чтобы забрать твою кровь. И это еще не самое худшее, что он может сделать. – Суеверный Букинист закрыл книгу, словно опасаясь, что из нее может восстать нечто ужасное. – Не стоит о нем говорить. Много веков назад один молодой священник, баловавшийся изучением гримуаров, так часто поминал Нечестивца и рассуждал о нем, что однажды случайно произнес имя правильно и полностью. Повелитель Мрака явился к нему и... ничего хорошего из этого не получилось. Так что имя Зверя – опасная тайна. Оттого существует много прозвищ, главное из которых – Темный Конструктор.

– А за что его называют так?

– Более всего остального он испытывает страсть к плоти человеческой. Он перестраивает ее, пользуясь самыми варварскими средствами. Он называет ее «чудесной глиной».

После разговора с Букинистом Даймон долго не мог уснуть, ворочаясь на жестком топчане и вспоминая то одни, то другие слова и фразы старика. Утром Даймон проснулся с красными глазами и тяжелой головой. На гимнастике отец заметил странное состояние сына, но ничего не сказал.

Ротанг, как и обещал, по радиостанции связался с транспортным диспетчером. Он попросил, чтобы рейсовый аэробус приземлился на старой посадочной площадке в лесу и забрал пассажира до Прейтона. Диспетчер, молодая девушка почти с детским голосом, пообещала выполнить просьбу, но предупредила, что транспорт задержится минут на десять.

Был полдень, когда Звероловы и старик-букинист добрались до бетонной площадки, устроенной в двух милях от фермы посреди леса. Ждали они недолго – вскоре из-за вершин деревьев выплыл транспортный аэробус с крыльями обратной стреловидности, он опоздал ровно на десять минут, обещанных диспетчером. Пока судно выполняло вертикальную посадку, заывая антигравитационными установками, отец пожал старику руку и пожелал удачи, а Даймон передал чемодан.

– Спасибо вам за приют! – прокричал старик сквозь шум. – Будете в Прейтоне, обязательно загляните в мою лавку. У меня есть очень интересные книги по философии Шульганга и Таффа, которые, я уверен, вам понравятся, мистер Ротанг.

– Непременно загляну, – пообещал Зверолов-старший.

– Да, и вот еще что, – сказал старик, задумавшись на секунду. За его спиной транспорт уже встал на плиты, на белоснежном фюзеляже открылся люк, из которого робот-стюард опустил трап. – Я бы на вашем месте избавился от зеркала в каминной комнате. Расколите его.

– Зачем? – спросил отец.

– Я прочел в одной книге, что давным-давно Темный Конструктор изготовил зеркала, которые обладают чудесными способностями. Правда, он не смог эти способности раскрыть. Много лет прошло с тех пор, никто не ведает, что стало с зеркалами... Вдруг ваше зеркало одно из тех? Вдруг Зловещий Деспот нашел им применение как раз сейчас, когда нити событий сплелись в единый клубок?

Даймон почувствовал, как у него мурашки побежали по коже.

– Спасибо за предупреждение, – сказал отец. – Мы подумаем.

Больше старик ничего не говорил, только кивнул на прощание и вошел в аэробус. Люк за ним захлопнулся, гудение усилилось, и планетарный транспорт плавно пошел вверх. Глядя на поднимающуюся в небо машину, Даймон представил, что она стартует прямо в космос. И тогда он спросил отца:

– Почему Звероловы должны обязательно жить в этом лесу? Что нас держит здесь? Почему мы не можем переселиться на другие планеты?

Отец сурово посмотрел на него.

– Повторный экзамен по кентавру будет завтра. Тренировок сегодня не назначаю, ты должен настроить себя на экзамен.

– Ты не ответил мне.

– Выкинь из головы дурные вопросы и начинай готовиться к завтрашнему испытанию. Не то опять вместо кентавра свалишь какого-нибудь хорошего человека.

Слова отца обидели Даймона, и он, насупившись, Шел почти до самого дома, пока в нем родились нужные слова:

– Мне надоел лес, надоели звери. Неужели так будет продолжаться всю жизнь? Силки, клетки, кормежка. Сколько можно!.. Я хочу большего. Хочу улететь куда-нибудь. Как мой брат...

– Твой брат глупец. Вместо того чтобы постигать мудрость и философию, он сбежал из дома и записался в крестоносцы. Ради каких идеалов он отправился на войну в систему Диких? Ради веры? Нет. Ради горстки церковников, которые бесятся оттого, что им подчинены не все уголки союзных территорий, что не на всех планетах торчат башни Десигнаторовых храмов.

– Зато он увидит мир. И потом, он говорит в письме, что скоро станет паладином. А мне суждено умереть от скуки в этой глуши! Я никем не стану!

– Да-да, суждено умереть от скуки в этой глуши! – раздался позади него дразнящий голос.

Даймон обернулся и обнаружил позади себя очкастого страуса с длинной шеей и примечательными кривыми ногами.

– А вот и наша пустоголовая курица, – сказал юноша. – Где тебя носило целую неделю, Лола?

– Зато он увидит мир! – откликнулась птица. – Силки, клетки, кормежка...

Можно сказать, что Лола являлась для Звероловов домашним животным. Когда Даймону исполнилось семь лет, он нашел в лесу яйцо. Движимый любопытством, юный натуралист поместил яйцо в самодельный инкубатор и через несколько дней получил смешного длинноногого цыпленка. Птица росла, в общем-то, неплохая, иногда только воевала с роботом-уборщиком, а иногда миграционный инстинкт уводил ее в лесные дебри, откуда Лола возвращалась, едва передвигая лапами и жутко голодная. Самостоятельно добывать пищу птица не умела. Отец шутил по этому поводу, что Лола до сих пор считает, будто толченый орех вырастает из миски, в которой он появляется каждое утро.

Как у большинства очкастых страусов, ее органы речи были устроены так, что она могла повторять человеческие фразы. Их сути птица, естественно, не понимала, но запоминала исправно и при случае долбила по ушам с завидным постоянством.

Метнув на Лолу укоризненный взор, Даймон повернулся к отцу.

– Я хочу, чтобы ты мне ответил.

– Мне нечего ответить на вопросы, которые напоминают пустую болтовню этой курицы. Материковые леса есть твой дом, твоя жизнь. Куда ты хочешь отправиться в космос? Чем будешь заниматься? Тоже запишешься в крестоносные рыцари и уйдешь на войну в систему Диких Племен? Прекрасная перспектива сложить голову во славу жадных церковников.

– Почему, есть другие профессии. Разведка дальних планет, пилотирование звездолетов, межзвездная торговля...

– Значит, в то время, пока я обучаю Зверолова младшего уникальным искусствам, в голове у него крутится межзвездная торговля? Значит, когда ты сидишь в засаде на кентавра, то думаешь о продаже панталон?

– Прекрасная перспектива! – возопила птица прямо над ухом.

– Послушай, кривоногая! – сказал Даймон, угрожающе направив на Лолу палец. – Не вмешивайся в разговор людей. Заткни свой говорливый клюв и позволь нам обсудить серьезные вещи.

Сведя глаза в кучку, страус внимательно изучил вытянутый палец Даймона, а затем самым нахальным образом цапнул за него. Не дожидаясь, пока рука взбешенного юноши как обычно ухватит ее шею, болтливая птица унеслась в направлении дома, громко треща ломаемыми кустами.

– Я тебе покажу, поганица! – прошипел юноша. – Завтра в твоей миске будет неурожай толченого ореха!

– Вот видишь, – сказал отец, – ты даже с птицей не можешь управиться. А что говорить о звездолете... Готовься к экзамену. Если сдашь его с первой попытки, то отправимся в метрополию. Я обещаю.

– Ура-а!! – завопил Даймон так громко, что напуганные птицы вспорхнули с ветвей. – А если не получится с первой попытки – полетим в столицу?

– Не раньше, чем через полгода.

– Почему?

– Ну, я сам столько лежал в гипсе, когда не сдал экзамен. Копыта у кентавра, знаешь, какие тяжелые?

Экзамен Даймон сдал с первого раза. Удар его был сильным и точным. Потеряв сознание, кентавр рухнул мордой в примятую траву и не подавал признаков жизни до самых сумерек, что позволило доволочь его до фермы и поместить в клетку. Отец был доволен и сказал, что помнит о своем обещании и что они обязательно отправятся на Гею Златобашенную. В предвкушении своего первого межзвездного перелета Даймон прожил около недели. На тракторе они съездили в Прейтон, где сдали животных заказчикам – кому для дома, кому для дрессировки, кому для охраны фермерского скота. Несколько экземпляров даже взял Прейтонский зоопарк. Сумма кредитов, перечисленных на счет отца, оказалась аж шестизначной, и в кассах космопорта отец купил два билета на небольшой лайнер, который раз в полмесяца совершал прямой рейс в столицу Союза.

До даты, указанной на билетах, оставалось три дня. Они вернулись на ферму, и Даймон неожиданно вспомнил слова букиниста, которые старик произнес перед отлетом.

– Пап, – сказал он, – может, нам все-таки стоит расколоть зеркало?

Они стояли в каминной комнате и глядели на свои худые и немного вытянутые изображения – зеркало всегда было слегка кривым.

– Ты же знаешь, что я не верю ни в Десигнатора, ни в Темного Конструктора, – ответил Ротанг. – К тому же я сомневаюсь, что в этом зеркале таится угроза.

– Но времена сейчас тревожные, и лишняя предусмотрительность не повредит.

Отец пожал плечами.

— Я не готов так сразу разбить зеркало, которое является частью нашего дома на протяжении нескольких веков. Давай вернемся к этому разговору после возвращения из столицы.

Но вернуться к разговору они не успели, как, впрочем, не успели и улететь в столицу. За день до рейса, когда Даймон находился в каминной и как обычно разговаривал с орудием своих тренировок по фехтованию, он внезапно заметил странную перемену в окружающей обстановке. Несмотря на солнечный день за окном, воздух в комнате вдруг потемнел, сделался густым и сладким. Даймон отложил палку и, оглядевшись, обнаружил то, что заставило сердце замереть.

Гладь зеркала помутнела. Мебель и стены комнаты по-прежнему отражались в ней, но отражение самого Даймона вдруг исчезло, словно стертая ластиком. Словно зеркало растворило изображение живой плоти.

Пока юноша испуганно соображал, что все это может означать, откуда-то раздался удар колокола. А следом из зеркала вышли три существа.

6

*Храм Десигнатора,
Центральный материк, Гея Златобашенная*

Неистовая речь митрополита прокатывалась по башне, заполняя все ее пространство. Каждое слово звучало веско и пронзительно. Люди на балконах, оробевшие от мощи богослужения, затаили дыхание. Серафима сидела в своей ложе ни живая ни мертвая. На ее коленях покоился шар, в котором шевелилась и поворачивалась серебристая, вспыхивающая искрами кровь бога.

В первый момент она не поверила. Несомненно, она узнала все признаки, о которых читала в «Апокрифах» – и подвижность, и серебристый цвет, и искрение, – но все равно не поверила. Шутникам и шарлатанам не стоит большого труда, чтобы сфальсифицировать подобные свойства.

Но если у нее на коленях искусная фальсификация, то что делать с трепетом и небывалым блаженством, которые она испытывала, когда прикасалась к ней? Ни волнующий баритон митрополита, ни исполинские размеры храма и десятки тысяч верующих в колодезной пропасти не могли пробудить в ней подобного чувства. Это сделал прозрачный сосуд, в котором двигалась неизвестная субстанция.

«Можно обмануть глаза, – вспомнились слова Фреи. – Можно обмануть разум. Но чувства обмануть невозможно. Они подобны маленькому детектору лжи, сидящему в тебе. Нужно чутко вслушиваться в его слова. И тебе откроется много интересного об окружающем мире».

От того, что ей открылось, Серафима испытала страх. До этого момента она не верила в существование Всевышнего. И вдруг, в одно мгновение, все ее представления рассыпались, точно хрустальная ваза, опрокинутая на мраморный пол.

«Итак, допустим... только допустим, – подумала она, – что у меня в руках находится выпущенная кровь бога. Бога, который, если верить словам митрополита из кафедральной кабины, жив и подвергает сынов своих испытанию на веру. Может ли такое быть, что (она приподняла шар) довольно весомая часть божьего тела, оказавшаяся у меня, является долей этого испытания? Бог решил проверить своих подданных и выпустил из себя кровь, а после этого потушил звезду, символизирующую собственную жизнь. Правдоподобный вариант?» – Вряд ли, – едва слышно произнесли ее губы. Человек, доверивший Серафиме эту святыню, сказал, что больше нет. Ихора больше нет, не существует на свете. Значит, и в теле Десигнатора тоже...

Она на миг представила, что случится, если люди в храме узнают, какую ценность и какое важное доказательство держит сейчас в руках Серафима Морталес. Начнутся паника, хаос. Тысячи верующих будут в безумии метаться по балконам. Многие, лишившись разума, кинутся вниз. Ужаснувшись представленной картине, она поспешно натянула бархат на стеклянный сосуд, тем самым укрыв его свечение.

Что же случилось? Почему это произошло? Что за человек приходил к ней, и каким образом к нему попал святой ихор? Мучительные вопросы меркли перед единственным главным...

Что делать ей?

Серафима часто задышала, потому что в груди перестало хватать воздуха. Защицало в глазах – вот-вот покатятся слезы, и она испугалась, что люди обратят внимание на плачущую дочь Морталес, придут ее утешить и заметят святыню. В один миг случится то, что она представляла себе и чего так боялась.

Нет. Пока никто не должен знать. Именно об этом говорил незнакомец. Люди не готовы принять доказательство гибели Десигнатора. Никто не должен знать, разве что... В самом деле! Святыня предназначалась не ей, не Серафиме. Произошла ошибка. Таинственный незнакомец не ведал, что вместо благочестивой Фреи на мероприятие прибыла ее дочь.

Она дотронулась до сережки, включив встроенный микроchip переговорного устройства.

– Антонио! Ты слышишь меня? Пресс-секретарь, чье ложе находилось несколькими ярусами ниже, откликнулся после короткой паузы:

– Что... что случилось? Неужели я храпел! Быть такого не может... Алло?

– Антонио, будь добр, немедленно соедини меня с матерью.

Голос протогирейца сделался серьезным.

– Что-то случилось? – Он замолчал, а затем медленно произнес: – Это из-за того предмета, которой был у вас в руках?

Догадливость Антонио сейчас была очень некстати.

– Соедини меня с матерью, – с трудом произнесла Серафима, едва сдерживая рыдание, готовое прорваться в ее речь.

– Да, сейчас сделаю, – ответил Антонио и исчез.

В ухе повисла тишина, которая показалась девушке чересчур долгой. Что-то было не так, она это чувствовала. Пауза затянулась. Митрополит продолжал вещать из кафедральной кабины, и слова его уже казались пустыми, бессмысленными.

– Моя госпожа, – раздался обеспокоенный голос Антонио, – связи с усадьбой нет. Не представляю, в чем дело.

Серафима подняла глаза и посмотрела на худого старца с бородкой ученого, который восседал в ложе напротив и вслушивался в речь митрополита.

– Знаешь что, – прошептала она, – тогда свяжи меня с Игнавусом.

– Секунду.

Она неотрывно смотрела на советника президента и увидела, как он встрепенулся, как дотронулся до мочки уха. Затем поднял глаза.

– Серафима Морталес? – услышала она.

– Здравствуйте, советник. Простите, что потревожила вас в столь неподобающий момент, но именно сейчас мне необходима ваша помощь.

– Что случилось?

Серафима уже открыла рот, но тут внезапно сообразила, что важные слова, которые упадут с ее губ, пронесутся через несколько передатчиков, ретрансляторов и пару спутников. К каждому из этих устройств может быть приложено человеческое ухо. Неважно – газетчика, прослушивающего телефонные переговоры в поисках сенсации, или простого техника, до которого слова долетят невзначай. В любом случае пара подслушанных фраз породят слух, нарастающий, как снежный ком. Более того, Серафима вдруг поняла, что просто не может сказать: «Знаете, Игнавус, а бог Десигнатор мертв. Мне это известно, поскольку я держу в руках приблизительно полтора литра его крови». Нет, эти слова невозможно произнести вслух! Даже в мыслях она опасалась повторить их.

– Мы можем встретиться? – попросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– Когда?

– Прямо сейчас.

– Во время церемонии?

– Видите ли, дело не терпит отлагательств. Игнавус на мгновение задумался, но затем ответил, и этот ответ понравился Серафиме деловитостью.

– Хорошо. Сможете найти мои апартаменты?

– Да.

– Приходите туда. Я сейчас буду.
– Спасибо. Спасибо вам огромное!
– Не за что. Я чувствую охватившее вас беспокойство и понимаю, что помощь вам действительно требуется.

Он кивнул ей, девушка кивнула в ответ и, пригнувшись, чтобы никто не видел, вышла из ложи. Шахревар, который стоял в пустом коридоре и охранял вход, был немало удивлен, ибо Серафима покинула проповедь в нарушение церемониального протокола.

– Пожалуйста, не спрашивай ни о чем, – сказала она, – мне нужно попасть в покои Игнавуса.

Слегка замешкавшись, паладин кивнул. Он дотронулся до шлема, и над его правым глазом вспыхнул экран, размером с монету. Пока телохранитель искал в компьютере нужную информацию, девушка заметила, что бархат съехал и из-под него струится мерцающее сияние. Она спешно отвернулась, чтобы Шахревар ничего не заметил, и укутала сосуд. Однако бархат не держался. Тесьма, которая его стягивала прежде, осталась в ложе. Девушка секунду размышляла, стоит ли вернуться. Затем направилась к дверям, дабы отыскать тесьму, но тут Шахревар произнес своим рокочущим голосом:

– Маршрут определен. Прошу вас! Он указал на пустой коридор.

На миг девушка замешкалась перед дверями, а затем пошла в указанном направлении.

Они миновали двух высоких стражей, неподвижно стоявших на развилке, и повернули налево. Серафима лишь мельком глянула на непроницаемые лица воинов церкви, на татуированные кресты на скуластых щеках. Что теперь будет с этими солдатами? И вообще, что будет с храмом и полчищами священников разных мастей?.. Если никто не узнает об ихоре, то все останется как есть. И в храмах по-прежнему будут вещать проповеди во имя Господа, которого уже нет.

«Но, быть может, – подумала она, – доверить святыню тем, кто должен хранить ее по праву? Отдать митрополиту и снять с себя тяжкий груз ответственности! Все, что связано с богом, является делом церкви. А тут не просто вещь, относящаяся к богу, тут частица бога! Пусть решают, как поступить с ней. Открыть людям правду? Или похоронить правду в глухом хранилище?» Для реализации последнего решения в Верхних мирах имелись весьма подходящие места. Например, мама рассказывала о планете Темных Роз, расположенной на окраине галактики, где находится тайный бункер, ризница, в которой святые отцы прячут от глаз людских некоторые удивительные вещи, способные потрясти Верхние миры.

Они прошли мимо длинной фрески, на которой благородные крестоносцы, используя высоковольтные бластеры, доносили до язычников слово Господа. При виде этой картины мысли Серафимы приняли другой оборот. Она сразу вспомнила тупую и бессмысленную политику, при помощи которой церковь пыталась покорить систему Диких Племен. И войну против неугодных, которой все закончилось в итоге. И она испугалась, серьезно испугалась того, что церковь не сумеет разумно распорядиться святыней.

Нет, отдавать ихор митрополиту нельзя. Вообще никому нельзя отдавать! Именно об этом говорил незнакомец. А еще он говорил, что только Фрея Морталес должна решить, как использовать ихор. И решение это должно быть мудрым.

Мудрого решения у Серафимы, замещающей мать, не было. Она понятия не имела, как использовать ихор. Возможно, поэтому ей срочно требовался совет Игнавуса.

Шествующий впереди Шахревар вдруг остановился. Какое-то мгновение он стоял неподвижно, прислушиваясь к тишине коридора, затем обернулся и поглядел куда-то за ее плечо.

– Что случилось?.. – начала девушка и подавилась словами.

Взгляд Шахревар был необычным и пугающим. Лицо окаменело, зрачки расширились и сделались огромными, словно пытались проглотить весь свет, исходящий от потолочных ламп. Веки конвульсивно подрагивали.

Девушка обернулась, но увидела только голые стены и пустой изгиб коридора.

– Встаньте за спину.

– Что случилось?

– Встаньте немедленно!! – рассердился Шахревар. Таким строгим Серафима видела паладина, наверное, впервые в жизни. Прижав шевелящийся сосуд к груди, она скользнула за широкую спину воина и, как оказалось, вовремя.

Из-за поворота появился облаченный в доспехи крестоносец. В его движениях было нечто неестественное, не свойственное людям – то ли в походке, то ли в положении рук, сжимающих увесистый излучатель. Забрало шлемофона опущено, скрывая лик.

Сзади послышался глухой звон доспеха.

Еще один крестоносец с излучателем на плече возник с другой стороны коридора. Шахревар и Серафима оказались в окружении. Телохранитель попятился, тесня сиятельную дочь к стене. Он внимательно смотрел то на одного, то на другого воина.

– Охрана Великой Семьи Морталес! – грозно предупредил он. – В чем дело? Немедленно опустите оружие!

Далее все произошло стремительно. Причем настолько, что Серафима не успела опомниться. Раскаленные очереди с двух сторон хлестнули по Шахревару. Они должны были разорвать сначала его, а затем и девушку за спиной...

Паладин выставил перед собой ладони.

Огненные струи, почти добравшиеся до жертвы, резко изменили траекторию. Яркий свет стегнул вверх, прямо перед лицом.

Над Серафимой оглушительно лопнул плафон, в который угодили разряды. Она взвизгнула, на голову посыпались искры и осколки светопроводящего пластика. Коридор немедленно погрузился во тьму, свет остался лишь вдалеке – блеклый и подрагивающий. Полупрозрачный дым затянул пространство между стенами. Сильно запахло озоном.

Девушка со страхом смотрела на силуэт убийцы, чернеющий на фоне далекого света. Нападавшие явно не ожидали, что их атака будет отбита, к тому же их смутил сумрак. Но замешательство длилось недолго. Один из нападавших, тот, что появился первым, выхватил короткий тесак и кинулся на них со звериной решимостью. Из-под забрала раздался нечеловеческий рык.

Шахревар лишь посмотрел на чужака.

Невидимый удар – и нападавшего смяло и отбросило к стене точно куклу. Но это было не все. Из промежности врага, из подмышек, изо рта вырвались языки пламени, которые охватили его в один миг. Крика не было, потому что огонь в первую очередь изжарил легкие и внутренности.

Пламя пожрало крестоносца за считанные секунды и унялось. Вторым нападавший не двинулся с места, заморожено глядя на обугленного и скрюченного напарника, ставшего жертвой пирокинеза. Не мудрствуя, Шахревар прошиб второго из бластера.

Серафима увидела, как темный силуэт опрокинулся навзничь. Слетевший с плеча излучатель глухо брякнулся на мраморные плиты пола.

– Останьтесь, пожалуйста, на месте, – велел паладин. Девушка рассеянно кивнула. Менее всего ей хотелось сейчас куда-то идти, особенно к распростертым телам, одно из которых превратилось в груды дымящегося угля. Шахревар приблизился к останкам чужака, присел возле него и, подсвечивая крохотным фонариком, поднял забрало. Некоторое время изучал лицо, затем вернулся к Серафиме.

– Орки. В сердце Союза... Неслыханно.

Серафима затаила дыхание. Орки? В метрополии? Но откуда! От Нижних миров Гею отделяют сотни населенных планет и Бутылочное Горлышко, набитое эскадрами кораблей Пограничного флота. Каким образом орки просочились сквозь них и оказались в Храме Десигнатора?

Шахревар тем временем внимательно изучал содержимое экрана, который вспыхнул над его правым глазом, и теребил сенсорную панель управления, вмонтированную в шлемофон над бровью.

– Связи нет, – обеспокоенно произнес он, – ни с комендантом храма, ни со службой общественной безопасности. Похоже, нас отгородили от внешнего мира.

– Зачем? – Серафима машинально потрогала сережку. Не передатчик тоже был глух. Связь пропала даже с Антонио. – Кому это надо?

– Очевидно тому, кто послал их. – Телохранитель указал подбородком на распластаные тела. – В храме оставаться опасно. Здесь происходит нечто кошмарное. Кто-то глушит наши передатчики, преследует нас, пытается убить. В этих коридорах мы похожи на мышей, загнанных в трубу с запаянным выходом.

– Но я должна встретиться с Игнавусом! Мне необходимо обсудить с ним очень важный вопрос...

– Боюсь, госпожа, времени для обсуждений уже не осталось. Прежде всего нам следует позаботиться о сохранности вашей персоны, а уж потом разбираться в обстоятельствах покушения. Нужно немедленно покинуть Храм Десигнатора. Это сейчас главное.

Они вышли на свет, оставив далеко позади участок коридора, где выстрелами были повреждены потолочные плафоны и где на полу остались два орочьих трупа. Серафима все еще думала, как ей поступить и следует ли прислушаться к словам паладина, когда им навстречу из-за поворота вышли другие люди.

Девушка приготовилась к самому худшему. Рядом напрягся Шахревар.

Быстрым шагом к ним приближалась ее свита: наставница, пресс-секретарь, служанки. Все они выглядели озабоченными, но особенно выделялась досточтимая Нина Гата.

– Возмутительно! – провозгласила смотрительница манер, как только увидела девушку. – Какой позор, о сиятельная дочь Серафима Морталес! Как вы могли... как только посмели покинуть столь важную церемонию в самом ее разгаре! За двадцать четыре года ваша мать ни разу... я повторяю, ни разу не осквернила своей неучтивостью священный праздник и преподобных отцов!

Она еще что-то говорила, быстро и гневно, на щеках выступили красные пятна, а глаза выкатились из орбит. Глядя на ее лицо, Серафима вдруг почувствовала слабость. Голова закружилась – то ли от речи наставницы, то ли от событий, после которых на сетчатке еще горели пятна от вспышек, а ноздри еще чувствовали запах гари.

Антонио оказался единственным, кто заметил, что лицо Серафимы резко побледнело.

– Помолчите, Нина!

– Не смейте перебивать меня, нечестивый секретарь! – с возмущением воскликнула наставница.

– Я поражаюсь вашей способности извергать пустую ругань. Вы только посмотрите на девушку! Ей столь плохо, что она сейчас упадет в обморок.

Едва Антонио произнес эти слова, как все именно так и случилось. В глазах у Серафимы потемнело, сознание на короткий миг заволокло туманом. Девушка покачнулась, и сосуд, который она так тщательно хранила и прятала, выскользнул из бархата.

Искристое сияние озарило лица людей.

Шар, наполненный ихором, грохнулся на пол.

Казалось, он сейчас разобьется, а искрящаяся жидкость растечется по мраморным плитам и осквернит себя прикосновением к обуви. Но шар выдержал, издав лишь каменный стук.

Серафима замерла, она даже не попыталась броситься следом, чтобы подобрать реликвию. При полном бездействии остолбеневших людей в наступившей тишине шар со скрежетом покатился по плитам и исчез в распахнутых дверях какой-то церковной комнаты.

– Что это? – вырвалось у одной из служанок.

Свита стояла неподвижно, напоминая голограмму, спроецированную посередине храмового коридора. Все уставились на дверной проем, в котором исчез серебрящийся шар. Нина Гата замерла с открытым ртом. Антонио глядел исподлобья. Взгляд Серафимы сделался каким-то обреченным и мертвым.

И только Шахревар не смотрел туда, куда были обращены взоры остальных. Его взгляд приковала настенная икона ветхих времен. Длиннобородый человек с нимбом над головой, воздев мускулистую руку, намеревался сверкающим мечом разрубить нечестивца, который вонзил в его печень вороненый кинжал. Противника видно не было, он остался за рамкой. Зато с доисторической примитивностью художник изобразил кровь, струящуюся из раны. Он показал ее серебряной фольгой, осыпанной мелкими алмазами.

– Святые праведники! – выдохнула Нина Гата, проследив за взглядом телохранителя.

Первым пришел в себя Антонио.

– Я подберу, – поспешно сказал он и уже собрался броситься в комнату, как Серафима тихо произнесла:

– Нет.

Она подняла голову. Ее скулы напряглись и сделались шлее очерченными.

– Я сама.

– Вот, значит, как? – прошипела Нина, вытянувшись к Серафиме. – Вот как? Наследница Великой Семьи похитила величайшую святыню и прячет ее от праведных отцов? Неслыханное святотатство! О, какое крушение родовых норм и морали! Как вы посмели совершить подобное? Ваша мать умрет от позора, узнав об этом! Как вы могли, о сиятельная Серафима, докатиться до подобного бесчестия?

– На сиятельную дочь было совершено покушение, – негромко сообщил Шахревар, чем заставил Нину Гату замереть с раскрытым ртом.

Избегая взгляда наставницы, Серафима прошла в комнаты, которые оказались безлюдной канцелярией. Свита проследовала за ней. Опустившись на колени, девушка подобрала шар с пола и быстро обмотала его тканью.

– Нужно отдать ее церкви, – пришла в себя наставница. Она растолкала служанок, чтобы приблизиться к девушке. – Это будет правильный поступок. Только правильными поступками вы сможете вернуть утраченную чистоту.

– О чем вы, Нина? – слабо промолвила Серафима, поднимаясь. – Боже, о чем вы говорите?

– Нужно отдать ихор церкви! – словно заклинание повторила Гата. – Неужели вы не понимаете?!

– Тихо! – резко сказал Шахревар.

Он стоял в дверном проеме, пристально вглядываясь в глубину коридора. Затем закрыл створки дверей и задвинул архаичный засов.

– Приближается кто-то еще, – несколько отрешенно пояснил он. Серафима отметила, что зрачки его снова раскрылись на ширину радужной оболочки.

– Кто приближается? – спросил Антонио.

– Не знаю. – Шахревар смотрел в пустоту, словно увидел в ней что-то. Видение потрясло его. Он помотал головой, словно пытался сбросить наваждение. – Проклятье. Этот

«кто-то» намного сильнее, чем орки, которые напали на нас... Нужно выбираться отсюда. Немедленно!

– Что ты видел? – не унимался Антонио.

Не ответив, паладин подошел к окну и нажал незаметную кнопку на подоконнике. Лист стекла, толщиной в несколько дюймов, поплыл вверх. Шахревар высунулся из окна и огляделся.

– Справа в двадцати ярдах находится посадочная площадка для аэролимузинов. Нужно пройти по карнизу, чтобы добраться до нее. – Он повернулся к свите и сунул в руки опешившего Антонио свой бластер. – Я подгоню одну из машин к окну. Двери в канцелярию довольно прочные, они выдержат, если их попытаются взломать.

Сами не открывайте, что бы ни случилось. Ждите меня. Я вернусь буквально через минуту.

С этими словами он вылез наружу, навстречу головокружительной пропасти.

Для крупных ботинок Шахревара карниз оказался узковат – не помещалась и половина ступни. Вдобавок к этой неприятности мешали доспехи, скоблившие по стене, вдоль которой он двигался. Преодолеть пресловутые двадцать ярдов оказалось сложнее, чем предполагал паладин. Каждый шаг был опасен, а пропасть терпеливо ждала его ошибки.

Па далеких улицах, опутывавших подножие башни, теперь не было ни души. Толпа исчезла, она переместилась в храм. Высотные офисные здания внизу казались брошенными, сегодня у служащих был выходной. Шахревару казалось, что он одинок на пустой стене в опустевшем городе.

Где-то на середине пути соскочила нога, и бронированные латы потянули вниз. Рыцарь с трудом удержал равновесие, вцепившись в настенный рельеф, изображающий небесную обитель. Как оказалось позже, паладин фамильярно ухватил за крыло одного из божьих ангелов. Какого конкретно, разглядеть не успел. Главное, что ангел выполнил свою задачу по спасению человеческой души и вытащил рыцаря из пропасти.

Наконец карниз закончился, и Шахревар оказался над площадкой для аэролимузинов. Совершив прыжок, который для обычного человека мог закончиться смертью, паладин благополучно приземлился на бетон, подбежал к первой же машине и, забравшись в салон, обратился к оторопевшему водителю со словами:

– Охрана Великой Семьи Морталес. Запускай двигатели!

Ситуация, в которой очутилась свита Серафимы, с самого начала казалась пресс-секретарю абсурдной. Божья кровь и вызывающее покушение на наследницу Великой Семьи выглядели как фантасмагорический спектакль на подмостках Президентского театра. Более того казалось, что актеры спустились со сцены и вовлекли в действие самого Антонио. Твердая уверенность в этом возникла после того, как Шахревар всучил ему бластер.

Сорокадвухлетний выпускник академии межзвездных отношений ни разу в жизни не держал в руках боевого оружия и даже не знал, как им пользоваться. «Хотя, – храбрясь, подумал он, – человек, который владеет яаутзинским наречием и с первых слов понимает двойной подтекст речи министра финансов, наверняка сумеет разобраться в примитивной железяке». Но при взгляде на ребристое цевье и бугры, под которыми прятались кнопки, эта уверенность куда-то испарилась.

Люди в комнате не сводили глаз с запертых на засов дубовых створок. Чье присутствие ощутил Шахревар? Неужели тот, кто находится сейчас в коридоре, ужасен настолько, что спастись от него можно лишь через окно? Возможно ли, чтобы сканеры, детекторы, тысячи охранников, секретные службы допустили присутствие в храме такого существа? Если да, то как это возможно?

Серафима стояла отдельно от всех, крепко прижимая к груди укрытый бархатом шар. Лицо ее оставалось бледным, и Антонио видел, что девушка с трудом сохраняет невозмутимость, стараясь не показать окружающим, насколько ей тяжело.

За дверью слышались осторожные шаги, заставившие закрывшихся в комнате людей вздрогнуть. Антонио стал суетно осматривать бластер, разбираясь с включением и управлением.

Кто-то толкнул створки снаружи, проверяя, заперты ли они.

«Слава богу, – подумал Антонио, – что в этот напряженный момент не проронила ни слова мерило манер и нравственности досточтимая Нина Гата, карга старая. С нее станется завопить во весь голос, только уши затыкай».

Протогиреец наконец разобрался, где находится предохранитель, и убрал блокировку. Бластер едва слышно загудел, набирая мощность для выстрела. Антонио поднял ствол, надеясь, что нацелился на дверь. Но вместо требовательного стука, вместо тяжелых ударов, взламывающих створки, он вдруг услышал голос, которого уж никак не ожидал услышать.

– Серафима, доченька, – раздался с другой стороны нежный и сладкозвучный голос Фрей. – Ты здесь? Открой, пожалуйста. Открой дверь.

Сердце Антонио сжалось. Он узнал этот голос, узнал его переливы, оттенки и малейшие интонации... Одно только смущало. Фрея не могла находиться в храме. Никак не могла. Она осталась в своем особняке, на берегу озера Заболонь. Он прекрасно знал это, и ему стало жутко. Какое-то существо – по словам Шахревар, более сильное, чем орки, – стояло сейчас за дверью и с потусторонним сходством имитировало голос матери Серафимы.

– Девочка моя, открой дверь, – снова произнесла Фрея.

И неожиданно для всех Серафима шагнула к дверям.

– Госпожа, – зашептали служанки, не решаясь дотронуться до высокородной особы, чтобы остановить ее. – Госпожа, не делайте этого!

Серафима сделала еще шаг. Ее глаза неестественно блестели, губы шевелились, бормоча что-то неразборчивое.

– Отопри дверь, Серафима. Отопри.

– Не смейте делать этого, маленькая леди! – сдавленно произнесла наставница и вцепилась в плечо Серафимы.

Ее действие послужило примером. Служанки схватили сиятельную дочь за одежды. Девушка начала вырываться одними плечами и телом, не в силах, однако, помочь себе руками, в них она сжимала сосуд с ихором. По лицу было видно, что Серафима готова отодвинуть засов и впустить того, кто находился за дверью. Антонио стоял с поднятым бластером, сжимая рукоять обеими руками, и не знал, что ему делать, ибо в этой противоестественной ситуации требовалось нечто иное, нежели оружие.

Неизвестно, чем бы все закончилось. Но тут из распахнутого окна слышался вой двигателей, и в комнату ворвался небольшой вихрь. Рядом с окном повис аэролимузин, из роскошных недр которого выпрыгнул Шахревар.

С одного взгляда оценив обстановку, а может быть что-то учуяв при помощи своих ментальных способностей, он обхватил Серафиму вокруг пояса и, водрузив на плечо, с легкостью переместил в лимузин.

Существо за дверью тут же изменило тактику, и створки сотряс мощнейший удар.

– Быстрее! – призвал Шахревар, вновь появляясь в комнате.

Он стал помогать женщинам взбираться на подоконник и перепрыгивать оттуда в салон летающей машины. Дамы слегка путались в платьях и сильно пугались пустоты между подоконником и плавающей подножкой лимузина. Но эту узкую пропасть перешагнули все. Предпоследним в салон запрыгнул Антонио, вцепившийся в бластер мертвой хваткой, а следом – Шахревар.

– Отчаливай! – крикнул рыцарь пилоту и захлопнул дверцу.

Габаритный аэролимузин весьма проворно развернулся, на секунду задержался... и темной молнией рванулся в небо.

– Куда лететь? – спросил пилот.

Шахревар вопросительно посмотрел на Антонио, Антонио посмотрел на Серафиму, забившуюся в дальний угол салона.

– Домой, – еле слышно обронила она.

– Хватит топлива до Западного континента? – спросил телохранитель у пилота.

– Лимузин не предназначен для полетов на такие расстояния.

– Великая Семья Морталес отблагодарит вас. Нам необходимо добраться до дома без лишних пересадок.

– Там в салоне находится Серафима Морталес? – украдкой спросил пилот.

– Да, сиятельная дочь, – ответил паладин с некоторой гордостью.

– Я восхищаюсь ее матерью, – произнес пилот с трепетом в голосе. – Она удивительная женщина! Добрая, заботливая, красивая... Денег не нужно. Я постараюсь без осложнений доставить дочь Фреи Морталес на Западный континент.

– Мы будем вам очень благодарны. А теперь, если не возражаете, мы хотели бы остаться наедине.

– О, конечно!

Пилотская кабина отделилась от салона поднявшейся перегородкой, гасящей не только звук, но и всевозможные волны принимающих и передающих устройств.

– Оно разговаривало голосом Фреи! – было первое, что сказал Антонио.

– Это был сенобит, – ответил Шахревар. – Не самый сильный, иначе бы двери его не сдержали.

– Что ты заметил?

– Жуткое видение, которое от него исходило... Мне не хочется об этом говорить.

– Что происходит? – дрожащим голосом произнесла Нина Гата. – Что за Содом творится в столице? Куда катится мир?!

Антонио пожалел, что в салоне нет еще одной перегородки, чтобы отделить высоко-моральную наставницу.

– Сенобит, – задумчиво произнес пресс-секретарь. – Разве они существуют?

– Кто-то в них верит, кто-то нет... – Паладин снял шлем, под которым оказались короткие взъерошенные волосы. – ... А кто-то слышит из-за двери их голос. Нам повезло, что это был не Рап.

– Нам очень, очень не повезло, – негромко произнесла одна из служанок. Все обернулись к ней, а она влажными глазами посмотрела на Серафиму. – Это был Натас. Я читала о нем в книгах Ирахиля. Он соблазняет нас голосами наших близких. – Женщина сглотнула. – Но пользуется он только голосами мертвых...

– О боже! – воскликнула Гата и картинно всплеснула руками.

– Значит ли это... – Антонио не смог закончить фразу, потому как увидел, что Серафима вздрогнула на последних словах служанки, словно ее укололи в самое сердце.

– Нет, – произнесла сиятельная дочь, расширившимися глазами взирая на окружающих. – Нет. Это невозможно...

7

Система Диких Племен

Первым признаком новой должности явилась усиленная охрана адмиральского шаттла. Три боевых корабля и двенадцать истребителей – с таким сильным эскортом Балниган еще не летал. Бортовые орудия сопровождающих могли разнести вдребезги средний крейсер, хотя такого противника в Верхних мирах больше не существовало. Последний крупный звездолет был уничтожен в системе Диких Племен четыре месяца назад. Тот знаменательный день был памятен каждому военному служащему, поскольку именно тогда Крестonosный гвардейский флот наконец получил полное господство над космосом язычников.

Адмиральский шаттл и его эскорт отошли на значительное расстояние от Базы – циклопического куба с тремя глубокими верфями; на стапелях одной из них стоял крейсер «Красный Волонтер». Корпус Базы был густо облеплен орудийными башнями, тарелками проекторов силовых полей, гравитационными катапультами, антеннами всевозможной конфигурации. Кроме этого на борту находилась малая установка, которая создавала в космосе протяженную зону для входа и выхода из подпространства – так называемую реперную точку.

Обычно установки для поддержания реперных точек строили на поверхности планет, и в первый год конфликта военные техники так и сделали. На Виа Прима выросла изумительная по изяществу башня со множеством устремленных в космос антенн. Однако после взрыва сейсмической бомбы, когда часть антенн обрушилась, отчего в подпространстве сгнула целая эскадра, стало понятно, что для нормальной работы нужно либо уничтожить всех аборигенов, либо переместить станцию от них подальше. И хотя командованию флота безумно нравился первый вариант, реальным оказался лишь второй. Так на Базе появилась малая реперная установка. Для вялотекущей войны, а значит, нечастых передвижений судов, ее мощности вполне хватало.

Пока эскорт приближался к расчетной точке, Балниган попросил организовать ему связь с Корневым штабом Вооруженных сил Союза. Связь была предоставлена через главную антенну Базы. Заместитель начальника штаба Майкл Траян, высший офицер с шеей атлета и прямым внимательным взглядом, на экране выглядел слегка растерянным.

– Вы знаете, кто я? – спросил Балниган.

– Да, господин адмирал.

– Через двенадцать часов я прибуду в метрополию. Сразу по прибытии я хочу получить подробный отчет о положении дел в Бутылочном Горлышке. Количество кораблей и крейсеров, их дислокация, расположение заорбитальных крепостей и планетарных орудий. Кроме того, мне нужны стратегические планы обороны – как общие по флоту, так и объектные.

Напор, с которым адмирал произносил эти слова, приват офицера в чувство.

– Осмелюсь заметить, что полномочия старого главнокомандующего еще не утратили силу, а потому у вас нет прав, чтобы требовать подобную информацию.

– Приказ о моем назначении уже подписан президентом, и я, адмирал Михаил Балниган, с девяти часов утра являюсь главнокомандующим войсками Тысячелетнего Союза!

– Приказ пока не поступил в штаб.

– Мне повторить еще раз? Или процитировать положение устава о трибунале?

– Вы мне угрожаете?

– А разве похоже, что я поздравляю вас с днем рождения?

– Я буду вынужден доложить об этом разговоре Игनावусу, – холодно ответил офицер. – Приказ еще не поступил, а, следовательно, вы еще не включены в перечень допуска.

– Вы подчиняетесь не гражданскому лицу, а военному начальству. А с девяти утра таким начальством являюсь я!! – Его и без того узкие глаза превратились в щели. – К моему прибытию на Гею вы исполните приказ. Иначе, клянусь, я отправлю вас под трибунал за то, что вы препятствуете обеспечению безопасности союзных территорий!

Траян замешкался после этих слов.

– Это не так.

– Вот и докажите, – произнес Балниган; его угрожающий тон неожиданно пропал. – Подготовьте доклад.

Растерянный офицер отдал честь и вырубил передатчик. Некоторое время адмирал о чем-то думал, размеренно цокая холеными ногтями по темной матовой столешнице. Через шесть минут шаттл и его эскорт достигли реперной точки и вошли в подпространство, держа курс на Гею Златобашенную.

8

*Материковые леса,
планета Рох, пограничная система Союза*

Под тревожный звон неведомого колокола из зеркала вышли три создания и, казалось, заполнили собой всю каминную комнату. Три высокие фигуры, мрачные и темные, без приглашения вошли в тихий дом Звероловов, и сердце Даймона почувствовало злокозненность их намерений.

Двое первых в рогатых шлемах были ужасны. Но лишь когда третье существо, чью голову скрывал капюшон, ступило на дощатый пол каминной комнаты, парень ощутил, как исчезли все запахи. Именно при виде третьей фигуры его охватил безотчетный страх. Он хотел бежать без оглядки, но не чувствовал ног.

Пришедшие из зеркала существа заняли комнату с безразличием агрессоров, уверенных в своей силе. Первый из них, с темным отвратительным ликом, взял Даймона огромными ручищами за голову и приподнял над полом. Зверолов-младший закричал, но крик этот был слабым и жалким, а затем и вовсе угас, когда сильные пальцы раскрыли его челюсти.

– Катаргат, повелитель, – со смирением сказала тварь в рогатом шлеме.

Послышался неспешный и тяжелый шаг, под которым скрипнули половицы. Даймон увидел рядом с собой существо, лицо которого пряталось под капюшоном. Исходящий от него ужас, подобный густому смрадному запаху, стало невозможно переносить. Из глаз Даймона покатались слезы, он мычал и стонал, безуспешно пытаясь вырваться из железных рук, раздирающих ему рот.

Ледяные пальцы повелителя пришельцев опустили в его уста, и от соприкосновения с ними сразу отнялся язык. Пальцы бесцеремонно просунулись глубже, в гортань, что-то нащупывая, а в следующий миг юноша ощутил режущую боль, прострелившую от трахеи до поясницы. Он задышался, конвульсии сотрясали его тело, но в глубине его сознания бился мучительный вопрос: что эти нелюди делают с ним?

Существо в капюшоне выдернуло из Даймона длинную нить, похожую на опустошенный кровеносный сосуд. На конце нити трепыхалось нечто нежное и алое, напоминающее кусочек живой плоти. В тот же миг Зверолов-младший ощутил, как страх и боль исчезли, а на их месте поселилась пустота.

Он смотрел на существ, занявших дом его предков, и не видел в их поведении ничего предосудительного. Он ничего не почувствовал, даже услышав шаги отца, который вбежал в комнату. Глаза Ротанга вспыхнули, а кулаки сжались, когда он увидел сына, болтающегося над полом. Казалось, что Зверолов-старший сейчас набросится на тварь в рогатом шлеме, видит Господь, он бы сделал это молниеносно... Но отец покорно опустился на колени и позволил направить на себя черный ствол бластера. А Даймону все казалось безразличным. Его чувства замерли, притаились, словно в ожидании чего-то важного и великого, стоящего над жизнью и смертью. Ступни коснулись пола. Огромные руки черноликого отпустили его, и юноша теперь стоял, не смея шелохнуться, ощущая внутри себя гнетущую пустоту. Существо в капюшоне коротко глянуло в сторону отца, затем вытащило из складок мантии длинную прозрачную колбу и погрузило в нее живой комок, вырванный из чрева Даймона. В этот момент капюшон съехал с головы, и взору открылось страшное лицо, покрытое мелом; открылись ряды зубов, над которыми не существовало ни щек, ни губ – лишнюю плоть безжалостно обрезают в незапамятные времена. Глаза были черными, словно угли. Даймон лениво подумал, что такое лицо можно увидеть лишь один раз в жизни – перед смертью. И неужели этот момент наступил сейчас?

– Рап, отпусти моего сына, – произнес отец без страха в голосе. – Умоляю тебя!

Сенобит безучастно взглянул на Ротанга. Он либо не понял слов, либо они показались ему жалкими и недостойными ответа.

– Мы сделаем все, что ты прикажешь, – не унимался отец. – Только верни душу моему сыну!

На этот раз слова Ротанга зацепили сенобита. И он решил ответить. Из его горла вылетел раскатистый множественный бас:

– Это еще не душа, человек. Но фокус воли, координирующее средоточие души.

Он убрал частичку плоти и души Даймона в складки мантии. Шевельнул рукой, и его помощник, тот, что прежде держал юношу, опустился на одно колено и склонил голову. Второй орк упер ствол бластера в лоб Ротангу. Даймон стоял неподвижно в центре комнаты, не зная, что ему делать, и совершенно ничего не чувствуя.

– Войди через церковь Престола, – обратился Рап к своему помощнику и протянул ему приплюснутый перстень. – Этим снимешь печать.

Орк с почтением принял перстень и спрятал его в небольшую сумочку на крепком поясе. Рап указал на Даймона, и ноги юноши сами поднесли его к повелителю пришельцев, в конце уронив на колени. Глянув вниз, Даймон заторможенно отметил, что, в отличие от остальных, сенобит не отбрасывает тени, хотя нельзя сказать, что Рап был призраком. Наоборот, он казался донельзя материальным, мелкие тени исправно присутствовали на складках его плаща и на лице. Вот только на полу тени не было.

– Ты проведешь Баструпа в недра орудийного форта, – произнес Рап.

Чувства Даймона взорвались после этих слов. Вот чего он ожидал – приказа! Слова прогремели в его голове и загорелись огромными пылающими буквами. Они терзали Даймона, и стегали его, и уже гнали на исполнение чужой воли. Но Рап сказал не все.

– Ты будешь выполнять все приказы Баструпа, – продолжал он, обращаясь к коленопреклоненному Зверолову – младшему. – Я ставлю его господином над тобой, и теперь ты привязан к его воле и к его жизни. Если он погибнет, ты умрешь тоже. Это все. Отправляйтесь.

Ноги опять понесли юношу. Он обнаружил, что уже следует за высоким орком, который направился к выходу. Проходя мимо стоящего на коленях отца, Даймон увидел, что тот взирает на него с затаенной жалостью и болью. Но кроме жалости в глазах Ротанга по-прежнему полыхал неукротимый огонь.

По словам отца, гравилет покупал еще дедушка Даймона, а потому машина была довольно обшарпанной и не летела быстрее сорока миль в час. Двигались по лесной просеке, кусты и молодая поросль шаркали по днищу.

Минут за тридцать они преодолели Западную и Пригорную части материкового леса, разделенные мелководной речушкой, которую отец почему-то называл Разлучницей, хотя на картах она значилась как Лесной Пилигрим. Оказавшись у подножия Мохнатых гор, в изобилии поросших соснами и елями, Даймон направил гравилет через седловину между пиками Козлиный и Святая Грейс, и этот путь занял еще около двадцати минут. Спустившись с другой стороны горного хребта, они оказались в Гарнизонной лесополосе – поясе чахлах низкорослых деревьев, которые окружали фермерские поля, селение и сам орудийный форт.

Во время путешествия пришелец молча сидел рядом с юношей. Буйство природы не вызвало в нем любопытства, единственный интерес он проявил, когда пролетали мимо развалин древних поселений орков, едва различимых среди деревьев, травы и мхов. Он угрюмо глядел на вросшие в землю массивные обломки, накренившиеся постаменты, на которых когда-то стояли циклопические статуи.

– Еще далеко? – спросил Баструп.

– Нет, мой господин. Сразу за полями, – ответил Даймон, ничуть не удивляясь собственному раболепию. Проблема заключалась в другом.

Все, что было нужно опустошенному Даймону, – это приказ его господина. Основной, провести Баструпа в недра форта, по-прежнему пламенел в его голове, но после часа пути приказ сделался непонятным и туманным. И юноша хотел получить более конкретные указания. Каким образом проникнуть в форт? Что считать его недрами? Ответить на эти вопросы было некому. Демон-сенобит посадил его мысли и чувства на короткий поводок, который передал в руки страшного чернолицего воина. Но тот, в отличие от Рапа, не до конца понимал, как воспользоваться душевной пустотой Даймона, а потому, вместо емких и четких толкований основного приказа, вдруг пустился в какие-то разглагольствования:

– Как чувствовать себя куклой, человек? Поганые ощущения, правда? Ты даже высморкаться не можешь без моего повеления. Ничего, недолго тебе осталось. Проникнем в форт, сделаем дело, а затем повелитель выпустит душу из твоего бестолкового тела. Он не оставляет жизнь людям, которые имели несчастье видеть его.

Даймон не понял эту речь. В ней отсутствовали команды! От этого юноша беспокоился и взволнованно дергался, вследствие чего дергался и гравилет.

Лесополоса быстро закончилась. Теперь они ехали над грунтовой дорогой, ведущей к селению, по обе стороны тянулись зеленые поля. А впереди возвышались неприступные стены форта, над которыми в небо вздымались две исполинские трубы. Гарнизон был создан исключительно ради этих орудий – двух планетарных пушек, способных контролировать целый сектор космического пространства. Их выстрелы сокрушали крейсер любой величины и рассеивали эскадры легких судов. Кроме заорбитальных крепостей – плазменные орудия Роха и другой планеты, Вох, являлись важным элементом защиты Бутылочного Горлышка.

Солнце клонилось к закату, белоснежные стены форта окрасились в кровавые цвета, когда Даймон и Баструп въехали в селение, раскинувшееся у подножия укрепления.

Улица была пуста, если не считать гарнизонный патруль, который двигался навстречу гравилету. Один солдат поднял ладонь, призывая остановиться.

Орк молниеносно очутился под приборной доской и яростно зашипел:

– Немедленно отделайся от них. Наговори чего-нибудь, чтобы пропустили. Иначе всех пожгу – рта раскрыть не успеют.

Даймон интуитивно ощутил в этих словах приказ, но конкретной сути опять не понял, поэтому подъехал к солдатам с широкой улыбкой во весь рот.

Солдаты гарнизонного патруля выглядели мирно. Шлемофоны висели на поясах, бронежилетов не было и в помине, у каждого из нагрудного кармана выглядывала распустившаяся светлица – садовый цветок с мягкими розовыми лепестками и нежным запахом. За века в окрестностях форта не произошло ни единого инцидента, и хотя в настоящее время угроза со стороны Нижних миров сделалась более ощутимой, патрулирование прилегающих к Гарнизону территорий оставалось легкой прогулкой и замечательным отдыхом.

Солдат было двое – молодой, с дерзким пытливым взглядом, и пожилой, с вечной улыбкой на устах и вздернутыми бровями. С пожилым Даймону приходилось раньше встречаться. Молодого видел впервые.

– Так это Даймон, сын Зверолова! – воскликнул пожилой солдат со свойственной ему дружественной улыбкой. – А мы подумали, не к ночи будет сказано, нелюди какие пожаловали!

– Здравствуйте.

– А чем ты занимаешься, сын Зверолова? – подозрительно спросил молодой солдат.

– Мы с отцом ловим зверей, – затравленно ответил Даймон.

– Привез какую-нибудь новую тварь? – спросил пожилой, постучав стволом реактивного ружья по борту гравилета. Орк угрожающе шевельнулся.

– Нет, – совсем сник юноша.

– Нам до чертиков понравилась сумчатая собака, купленная в прошлый раз. До чего же умная! Не можем нарадоваться.

– Да, они очень умные и ласковые, – кивнул юноша.

– А куда ты направляешься, Даймон? – прищурившись, спросил молодой солдат.

– В церковь Престола, – выдал Даймон первое, что пришло в голову.

– Для чего?

– На исповедь.

– Ты еще спроси, для каких целей человек в сортир ходит, – бросил пожилой солдат напарнику. Молодой обиженно посмотрел в ответ, а тот еще раз улыбнулся Даймону и дружески хлопнул ладонью по борту. – Лети, парень! Счастливого пути!

Даймон надавил на педаль, и солдаты остались позади. Орк поднялся из укрытия.

– Я бы показал ему «тварь», если бы не приказ повелителя... Зачем ты сказал про церковь?

– Не знаю.

– Дрянная кукла! – Баструп забормотал, обращаясь к самому себе. – Не нужно было тащить с собой куклу. От нее одни неприятности. Сама думать не умеет, только приказы подавай.

Они повернули за угол и обнаружили, что улица перегорожена. Пожилая женщина в длинном, накинутом на плечи платке перегоняла через дорогу стаю гусей. Услышав гул приближающейся машины, она подняла голову и требовательно помахала рукой, подзывая к себе. Орк снова нырнул под приборную панель.

– А это кто такая? – с остервенением зашипел он, больно сдавив коленку Даймона.

– Римма, жена свекловода. Ее кличут Паучихой. Предсказывает погоду, лечит ревматизм и вытаскивает камни из почек. А еще разводит гусей и имеет трех дочерей, одна из которых...

– Заткнись. Я устал от твоих знакомых. Поскорее сделай так, чтобы эта швабра убралась.

Даймон остановил машину возле женщины.

– А ну-ка, Зверолов-младший, – произнесла Римма, положив локоть на борт гравилета, – поведай мне, каким ветром занесло тебя в Гарнизонное на ночь глядя? И где твой отец?

– Отец остался дома. Я ненадолго. Туда и обратно.

– Зачем?

– Я должен добраться до церкви, – ответил он и получил чувствительный удар по чашечке рукоятью бластера.

– И с какой же целью?

– Исповедоваться.

– Исповедоваться? – нахмурилась Римма. – Очевидно, конец света пришел, коли Звероловы к церкви обратились.

Глаза Даймона испуганно забегали, сам он покрылся испариной, но не от смущения, а от непонимания, что же он должен сделать.

– Здоров ли ты, юноша?

– Да, – поспешно ответил Зверолов-младший, хотя выглядел он измученным.

– Кстати, тут ваша очкастая курица носилась по окрестностям. Небось сбежала опять? Поймать, если случай представится?

– Да.

– Зайдешь на кружечку раге? С дочерью моей опять повидаешься.

– С удовольствием, – улыбнулся Даймон и почувствовал в коленке такую острую боль, что тут же продолжил, – но в следующий раз.

– Какой-то ты чудаковатый сегодня, Даймон! Даймон тупо улыбнулся, не зная, как ответить.

– Впрочем, все вы, Звероловы, чудаковатые. Хорошо, что у тебя с моей дочерью ничего не вышло. Не хватало мне получить чудаковатых внуков. – Гуси загоготали, женщина шикнула на них и хлопнула прутком по земле. – Не успеешь домой до темноты. Заходи, когда исповедуешься. Если докричишься до этого глухого суслика в сутане.

И, по-мужски хохотнув, она погнала гусей на окраину, где стоял дом свекловода. Орк выпрямился, глянул вслед Римме Паучихе и произнес:

– Гони к церкви.

Впервые за сегодняшний вечер фраза понравилась Даймону. Он просто влюбился в нее. Приказ был кратким, совершенным до божественности. В нем отсутствовала неопределенность, его не требовалось домысливать. Любовно шепча эти слова, словно обсасывая конфетку, Даймон надавил на педаль.

Гравилет спрятали в высокой жгущейся траве, которая заплонила территорию старого церковного кладбища. Пока добирались до здания, несколько раз споткнулись на буграх забытых могил. Над их головами возвышались усыпанные огнями стены форта.

– Вот она, церковь Престола, – послушно сообщил Даймон, когда добрались до крыльца. Ему было приятно произнести это, ведь он еще на шаг приблизился к исполнению главного приказа.

– Не смей упоминать при мне это поганое название! – неожиданно взревел Баструп, воткнув ствол бластера Даймону в ребра. – Ты хотя бы знаешь, какие слова произносишь всуе? Тебе хотя бы известно, кто такие престолы! Нет? А вот мне довелось однажды с ними столкнуться. Они испепелили целый флот звездолетов. ФЛОТ! Немногие выжили в том побоище, я был в их числе...

Он убрал пистолет и осклабился. Под мерклым светом заорбитальной крепости, которая заменяла луну, его жуткое лицо с тяжелым лбом, провалившимися глазницами и почти отсутствующим носом сделалось еще страшнее.

– Но больше такого не повторится, – произнес орк, постучав в дверь церкви. – С тех пор одни престолы распилились, другие провалились в вечный сон. Так что не будет вам помощи, краснокровые, не будет...

Дверь распахнулась, в проеме показалась фигура старого священника.

– Кто пришел на порог храма господнего в столь поздний час? – осведомился он старческим ломающимся голосом и в следующий момент рухнул на пол с перерезанным горлом.

– К тебе, пес, пришла кровавая старуха, – сказал Баструп в коченеющее лицо мертвеца, вытирая нож о его одежду.

Даймон услышал в глубине себя далекий возмущенный вопль. Он был коротким – кольнул и исчез. Чей это был крик? Неужели его? Похоже на другого человека. Сам Даймон не мог возмутиться, потому что ничего не чувствовал. Да и задача у него сейчас другая: он должен выполнить приказ.

– Чего озираешься, как затравленный? – окрикнул с порога орк. – Затащи внутрь этудохлую шавку, чтобы с улицы не видели! Да пошевелись же, кукла гребаная!

Даймон втащил труп внутрь, закрыл дверь. Потом зачем-то сложил ему руки на груди.

Внутреннее убранство маленькой церкви было небогатым. Первым делом Баструп сорвал крест с алтаря, бросил на пол и ударил по нему каблуком. Посчитав миссию святотатства выполненной, он стал вышагивать по каменному полу, что-то бормоча под нос, кажется, считая плиты. Затем остановился и встал на колени, – Какие же вы, люди, недалекие! Стройте свою богадельню на фундаменте древнего храма орков. Желаете унижить чужую веру, топтать ее ногами. А только неведомо вам, что фундамент является частью комплекса, и в нем спрятаны сюрпризы, которые только и ждут своего часа.

Он достал из кармана фонарик, испускающий фиолетовый свет, и направил луч на половые плиты. Две из них, клацнув, неожиданно поднялись в воздух с приглушенным гудением. Они повисли в полуметре над полом, открыв темное жерло неизвестного колодца. Из отверстия дохнуло холодом, сыростью и гнилью.

Если формой человеческих храмов являлась башня, обозначающая устремление к созвездию Волка, к богу, то орочьи святилища имели форму глубоких колодцев, которые символизировали устремление к Бездне и ее хозяину, живущему там. Согласно «Апокрифам», орки совершали над колодцами кровавые обряды и сбрасывали вниз еще живые жертвы.

Пока Даймон стоял на краю и смотрел на рукотворную бездну, оставшуюся от прежних хозяев планеты, Баструп установил на стенке колодца автоматический бур, который сам засверлился в каменную кладку. Снаружи осталось только прочное стальное кольцо. К нему орк прицепил миниатюрный карабин с нанонитью, тянущейся к его поясу, – под одеждой пряталась катушка. Закончив приготовления, пришелец сгреб Даймона за отвороты куртки и подвесил над пропастью колодца.

– А может, бросить тебя вниз, в объятия Баратрума? – спросил он.

– Нет! Невозможно!! – взмолился Даймон. – Я еще не выполнил приказ!

Баструп как-то странно посмотрел на него, сказал что-то совсем непонятное на своем наречии и, продолжая держать Даймона за грудки, прыгнул в колодец. Тяжелые половые плиты над их головами опустились на свои места, тьма накрыла две падающие в бездну фигуры.

Почти сразу после того, как Даймон и Баструп покинули дом, Рап множественным голосом приказал:

– Вон из комнаты.

– Изжарить его, повелитель? – с надеждой спросил оставшийся орк дрожащим голосом. У этого чернолицего носа не было вообще, на его месте зияла дыра, края которой шевелились при дыхании.

Демон не удостоил помощника ответом. Словно не слышал. Он накинул капюшон, полностью скрыв лицо, и опустился на колени. В этом положении замер – огромная фигура, закутанная в черную, как ночь, мантию. Чернолицый некоторое время испуганно смотрел на своего хозяина, затем вытолкнул Ротанга в соседнюю комнату и тихо-тихо закрыл дверь. Последнее, что увидел Зверолов-старший, – остроугольные темные знаки, из ниоткуда возникшие на полу перед Рапом.

– Ну что, краснокровый? – спросил орк, толкнув Ротанга к стене. В его глухом, бубнящем голосе все еще чувствовался страх после общения с сенобитом. – Готовься к смерти.

Он еще раз боязливо оглянулся на дверь, затем наклонился и зашептал:

– Недолго вам, людишкам, ходить неприкаянными. Скоро к вам придет новый бог, наш великий и всесильный Повелитель Мрака. Скоро, скоро наши армии перейдут границу, черная волна накроет Верхние миры. И померкнут звезды, и кровь потемнеет в ваших жилах, а в сердцах поселится вечный страх.

– Можешь не стараться в словоблудии, я все равно не верю в богов, – ответил Ротанг.

– Веришь или нет – путь один! – шептал чернолицый. – Вот этой самой рукой я вспорю твое брюхо и вытащу внутренности.

– И этим меня не примешь. Я не боюсь смерти, мой разум подготовлен к ней. Если она случится, то мой дух возродится в новом человеке, и этот человек найдет тебя, куда бы ты ни спрятался, поганый орк!

Подобный ответ несколько смутил чернолицего. Он отстранился, но затем, что-то сообразив, вновь приблизил лицо к Ротангу.

– Бесстрашный, да? Но я знаю, чего ты боишься. Ты боишься за своего сына! Вы, людишки, привязаны к своим родственникам. Жены, дети, семьи... В них ваша слабость! – Он вытер огромным запястьем дыру на месте носа. – Когда твой сын вернется, я выпотрошу его первым. Прямо у тебя на глазах. А затем вкушу его плоти.

Ротанг жестко посмотрел охраннику в глаза. Взгляд был таким пронзительным, что орк на мгновение отпрянул и растерянно выставил перед собой ствол бластера.

– Не смотри на меня так, человечиска! – сквозь зубы произнес он.

– Чем тебе не понравился мой взгляд?

– Перестань так смотреть! Смотри по-другому!

– Я по-другому не умею.

– Я сказал перестань! Я вырву твои глаза вместе с головой!

Ротанг перевел взгляд на противоположную стену. Туда, где висела голова убитого им ластодонта. Крупное животное, двенадцать тонн живого веса, от его поступи сотрясается земля, его челюсти способны размолоть камень.

– Ты еще жив только потому, что повелитель каким-то образом собирается использовать тебя и мальчишку, – говорил чернолицый, скалясь, – потом он заберет вашу кровь, а мы заберем ваши внутренности. О, да! Они вкусны, внутренности человека, особенно легкие и печень.

Ластодонт – крупное и сильное животное. Не такое умное, как кентавр, но свалить его тоже непросто. Многие охотники погибли, раздавленные тяжелыми ступнями и распоротые рогами. Но Ротанг убил ластодонта.

– От ваших тел останется только кожа, – не унимался охранник. – Душу заберет повелитель, а плотью полакомимся мы! Не будет никакого духа, который переселится в нового человека!

Изготовленный из железного дерева кол, которым был убит ластодонт, висел на стене прямо под головой животного...

Спуск более походил на свободное падение, к счастью, он оказался недолгим. Метров через двадцать на поясе орка пикнул альтиметр, и катушка перестала разматываться, оставив погружение в холодную бездну. Их подбросило, отвороты куртки едва не выскочили из пальцев Баструпа, но, на счастье, чернолицый обладал недюжинной силой и сумел удержать Даймона.

Они повисли над бездонным колодезем, раскачиваясь из стороны в сторону. Свободной рукой Баструп достал фонарь и посветил на стены. В одном месте каменной кладки чернел проем, по краям которого тянулись надписи на неизвестном языке. Качнув Даймона, орк бросил его в этот проем и влез следом. Усевшись на краю, он отцепил от пояса катушку с нанонитью и оставил ее на полу, для надежности придавив камнем. По всей видимости, возвращаться предстояло тем же путем.

Они двинулись по узкому коридору, потолок которого был таким низким, что приходилось пригибать голову. Пахло плесенью и тленом. Под ногами хрустели кости мелких животных и не только их. Однажды луч фонаря высветил раскрытый человеческий череп.

Коридор закончился глухой стеной, сложенной из крупных камней. В первый момент Даймону показалось, что их путь завершен. Но когда он поднял голову, то обнаружил уходящую вверх шахту.

– Еще один колодец, – констатировал юноша и удостоился очередного тычка.

– Тупая кукла! – разгневался Баструп. – Храмовый колодец – бездонный! А это обычная шахта, которая имеет начало и конец.

– Как это – бездонный? – не понял Даймон.

Орк не ответил. Встал под жерло шахты и, ухватив юношу за волосы, подтащил к себе. Сверкнул под ноги фиолетовым лучом, и плита, на которой они стояли, резво понеслась вверх.

Стены мелькали перед лицом Даймона. Ему очень хотелось коснуться проносащихся камней и ободрать кожу, чтобы вернуть в себя хотя бы боль. Только вряд ли она вернется. Его чувства остались в стеклянной колбе, а сам он ощущал себя как после изнурительной пытки, когда дух сломлен, а болевой порог пройден. Дальше ждет смерть. И вся надежда на то, что до смерти осталось немного...

Они поднялись в неосвещенный зал с высокими потолками. Справа и слева высились стеллажи с инструментами, покрытыми густой смазкой, полуразобранными деталями роботов, технологическими гайками и шпильками. Механический склад. Угрюмая архитектура зала и мрачные рельефы на стенах недвусмысленно указывали на то, что и он является орочьей постройкой, которую люди использовали для своих надобностей. Сомнений не оставалось: лазутчики оказались в неприступном форте, но в недрах ли?

– Ты ведь не продашь меня? – неожиданно спросил Баструп.

– Нет, мой господин.

– Даже не пытайся навредить мне, гребаная кукла. Если я погибну, ты тоже погибнешь. Слово повелителя Рапа сковало нас ментальной связью. Если поток из моего мозга прервется, твое сердце лопнет, а легкие хватит паралич... Пошли!

Склад не охранялся. Лазутчики покинули его без малейших проблем и двинулись по хорошо освещенным коридорам, которые были построены уже людьми. Несколько раз орк находил расставленные датчики слежения и ловко ослеплял их при помощи оптической высокочастотной волны. Дважды, когда в конце коридора появлялись служащие Гарнизона, они прятались в стенных нишах или за статуями полководцев времен Бездонных войн. Баструп злобно хрипел, когда солдаты в форме союзных войск проходили мимо. Ему до дрожи в загривке хотелось пролить кровь, но важность миссии обязывала держать себя в руках.

Преодолев коридоры, лазутчики по аварийной лестнице спустились к центральной галерее, которая тянулась до парадных ворот форта. Оттуда доносились голоса людей и чеканная поступь охраны. В галерею Баструп не пошел. Ему была нужна неприметная дверь у основания лестницы.

Ткнувшись в створку и убедившись, что она заперта, темнолицый орк натянул перчатки и с величайшей осторожностью достал баллончик с аэрозолем. Короткого нажатия и вспорхнувшего следом облачка песчаной пыли оказалось достаточно, чтобы стальной двухдюймовый лист рассыпался на бурые хлопья. Они еще падали, похожие на ссохшуюся листву, когда Баструп, а следом и Даймон вошли внутрь.

Перед ними предстал массивный мост, пролегающий над каменными резервуарами, заполненными водой. Фактически лазутчикам открылось подземное озеро, разбитое на прямоугольные сегменты. Его питали многочисленные ручьи, которые струились по скалистым стенам подобно слезам.

– Вот они, недра форта! – с трепетом поведал Баструп. – Хранилище Грабба! Источник воды для могучей крепости Аман-Гуул, которую уничтожили люди. Они опять использовали старый фундамент для возведения своего форта! Как и всегда. Человеческие достижения стоят на твердыне цивилизации орков.

Выводы черноты не сильно беспокоили Даймона. В его груди разлилось блаженное тепло: главное повеление сенобита выполнено. Однако блаженство длилось недолго. Наркотический голод тут же потребовал новый приказ, и юноша не замедлил его получить.

– Стой здесь, – повелел орк. – Если тебя поймают, ты не должен проболтаться обо мне.

– Ты заложишь бомбу или отравишь Хранилище? – неожиданно для себя спросил Даймон. На самом деле это был не его вопрос, а вопрос того человечка, который сидел внутри и казался чужаком. Крик которого он слышал в момент убийства глухого священника.

– Не то и не другое, – ответил орк и перемахнул через перила в воду.

Всплеск был громким, брызги ударили о днище моста, темная вода поглотила чернолицего воина.

Оставшись в одиночестве, Даймон обхватил себя руками, словно спасаясь от холода. Нижнюю губу пробила нервная дрожь. Ему не хватало хозяина, без него было плохо. А еще юноша боялся, что хозяин утонет в недрах Хранилища Грабба и потянет его за собой на тот свет.

Удерживая воздух в груди, Баструп мощными рывками пробирался сквозь толщу воды ко дну. Раз в тридцать лет внутренности резервуаров вылизывали гидры – туповатые подводные роботы, собирающие иловые отложения, – но до ближайшей чистки оставалось еще лет пять, и поэтому вместо дна перед орком открылось мутное вязкое поле.

Слой ила не стал серьезной помехой, ибо лазутчика вел потаенный маяк, слабый сигнал от которого поступал прямо на сетчатку левого глаза. Орк изменил угол погружения, и красный огонек переместился от края глаза к центру, указав на выступающий со дна бугор. Баструп подплыл к отметке, разгреб ил. Когда взвесь осела, перед ним открылся короткий каменный столб, к которому цепями был прикован инженер проекта Кайл Грабб.

Перед затоплением резервуара после обязательных ритуальных пыток в мышцы еще живого существа впрыснули реагент, обративший кости и плоть в подобие твердого полимера. Инженер остался на дне в качестве оберега, которому доверили хранить тайну недр. И он хранил ее в течение десяти веков, каждые тридцать лет тщательно очищаемый от ила туповатыми гидрами.

Для Баструпа была важна не мумия, а сооружение, к которому она прикована. Рядом с головой, лежащей, как на плахе, рядом с распахнутыми от предсмертной боли устами на вершине столба был отпечатан неприметный круг с рельефом. Именно к этому кругу орк приложил перстень, данный повелителем. И как только он сделал это, по толщам воды прокатился едва слышимый гул. Иловое поле вздрогнуло и подернулось ленивой мутой, когда под его слоями на дне передвинулись исполинские шоры.

Баструп отнял перстень. Дело сделано.

– Стой! Ни с места! Руки на голову!

Даймон растерянно обернулся и увидел на мосту солдата, который взирал на юношу сквозь оптику реактивной винтовки. Цель была уже захвачена, оставалось только нажать спусковой крючок, чтобы реактивный патрон нашел жертву, в какую бы сторону та ни пыталась бежать...

– Даймон?

Стрелок опустил ружье, и юноша узнал в нем пожилого патрульного, которого встретил полчаса назад в селении. Смена закончилась, и он, возвращаясь в казармы, видимо, обнаружил взломанную дверь.

– Это ты, Даймон? Как... как ты здесь очутился?

Он подошел, гулко стуча по мосту коваными подошвами. В этот раз улыбки на его лице не было. Держа ладони на макушке, Даймон растерянно озирался, стыдясь посмотреть солдату в глаза.

– Как ты очутился в охраняемом помещении, я тебя спрашиваю? – строго повторил вопрос патрульный. – Это не шутки! Что ты здесь делаешь? Ты же знаешь, что поселенцам проходить в форт категорически запрещено!

Даймон не знал, как поступить. В поисках подсказки, он глянул вниз, туда, где исчез его хозяин. И этот взгляд не остался незамеченным.

– Там кто-то есть? – спросил солдат, сменив тон. – Кто-то прыгнул в воду?.. Постой-постой. Тогда, в гравилете... ты ведь был не один, верно? Кто-то прятался под приборной доской, я это почувствовал, но подумал, что очередное животное. И этот «кто-то» привел тебя сюда. Я прав?

Юноша молчал, не зная, что ответить. Но запертый в глубине сознания человечек надрывался от крика: да, да, конечно, прав! Орки во главе с сенобитом проникли в дом Звероловов! Захватили в заложники отца, а сына превратили в безропотного зомби! Они что-то затевают в этих резервуарах, но это не бомба и не яд. Это «что-то» очень-очень важно, ведь диверсию возглавляет сам Рап – правая рука Темного Конструктора.

Мысли оказались настолько сильными, что были готовы сорваться с языка. И Даймон уже открыл рот, как вдруг воздух содрогнулся от визжащего удара...

... А в следующее мгновение пожилой солдат рухнул к его ногам с обугленной дырой в груди. Многолетняя привычка не пользоваться бронежилетом сыграла с ним злую шутку. Мокрый с ног до головы Баструп опустил бластер и торжествующе произнес в затылок труп:

– Будешь знать, как называть меня тварью!! – Он гневно взглянул на Даймона. – Подбери его ружье... Живее!

Даймон опустился на одно колено, чтобы исполнить приказ, как внезапно обнаружил новую угрозу. На другом конце моста стоял второй солдат. Молодой напарник патрульного. Он был сосредоточен, ствол нацелен на огромного чужака в рогатом шлеме. По лицу солдата было видно, что он не настроен для переговоров – просто не готов к ним. Заступая на дежурство, он даже не мог предположить, с кем придется столкнуться посреди размеренной убаюкивающей службы. Поэтому ему будет намного удобнее сначала размазать орка по мосту, а затем ломать голову над объяснительной для внутреннего расследования.

Баструп замер, глядя на испуганное лицо своего подопечного. Быть может, даже успел о чем-то догадаться, хотя вряд ли.

Коротко скрипнули фермы моста.

Даймон могучим броском запустил в солдата обоймой, сорванной с пояса мертвеца. Бросок получился настолько молниеносным, что солдат не успел продавить спусковую скобу. Обойма врезалась ему в лицо, винтовка вывалилась из рук. Удар перекинул солдата через перила, отправив в темную холодную воду Хранилищ Грабба.

Баструп обернулся. Оценил опасность, которая угрожала ему, и с удивлением посмотрел на Даймона.

– Да ты, малец, опасен! Я расскажу об этом случае повелителю. Возможно, он не сразу выпустит твою кровь. Ты можешь пригодиться ему в качестве глины.

За окном брезжил рассвет. Ночь закончилась, а вестей от ушедших в Гарнизонное не было. Ротанг всю ночь просидел возле стены, обхватив колени руками и не смыкая глаз. Зато его охранник не ведал покоя. В поисках интересных трофеев он перевернул всю комнату: выпотрошил ящики комода, сбросил с полок книги. Он не отказался бы пошарить и по другим комнатам, но боялся оставить пленника одного.

Орк совершенно не волновал Ротанга. Его беспокоил безгубый сенобит за дверью. С тех пор, как они покинули каминную комнату, из-за нее не донеслось ни звука. За дверью словно никого не было, хотя Зверолов знал, что это не так. Однажды, когда ночь сделалась особенно темной, щель под дверью вдруг осветилась холодным голубоватым сиянием, а в комнату дохнуло запахом ванили, которая вызвала в отце Даймона жестокую тоску о прошлом. Никуда сенобит не исчез. Он до сих пор сидел на полу в окружении странных знаков, а может быть, поднятых элементов мироздания...

– Твой сын наверняка мертв, – сказал орк, ухмыляясь. – Так долго он не нужен Бастрupu. Скоро придет и твоя очередь.

– Помолчи.

– Тебя освежают очень аккуратно, можешь мне поверить.

Из соседней комнаты раздался низкий рокот. Дверь затряслась, задрожали стены и доски пола. Откуда-то не из этого мира послышались далекие крики отчаяния, стоны и вопли, но рокот сделался еще громче и перекрыл их. И тогда Ротанг сказал орку:

– Я решил, что не буду возрождаться в новом теле.

– Почему?

– Потому, что я убью тебя прямо сейчас.

В который раз за сегодняшнюю ночь орк направил ствол бластера в лицо человеку, полностью уверенный в собственном превосходстве. Но сейчас темный глазок уставился в пустоту. И безносый охранник слишком поздно осознал промашку, потому что в следующий миг его рука оказалась выдернутой из локтевого сустава.

Не успел болевой импульс докатиться до мозга, как Ротанг схватил голову орка и рывком свернул могучую шею, упреждая вероятный вопль. Хрустнули лопнувшие позвонки. Подхватив обмякшее тело, Зверолов бесшумно опустил его на пол. Некоторое время он прислушивался к рокоту за дверью, затем удовлетворенно кивнул.

Решительным шагом Ротанг приблизился к стене и сдернул с нее кол. Древко удобно легло в ладони, словно прошло не шестнадцать лет, словно только вчера он пронзил не защищенную панцирем шею ластодонта. Он крутанул кол через запястье, конец стремительно описал полный круг. Балансировка по-прежнему прекрасная.

Ухватив оружие так, чтобы без промедления нанести удар, он вернулся к двери в каминную комнату и распахнул ее...

В лицо ударил яркий белый свет, который струился из раздвинувшегося перед сидящей на полу фигурой неведомого пространства. Какие-то секунды сияние слепило, а затем сникло. Пространство захлопнулось, на том месте осталась лишь бревенчатая стена, которая и должна была там находиться.

– Поднимись Рап, бывший рыцарь и полководец Верхних миров! – без малейшего страха в голосе произнес Зверолов-старший. – Встань ко мне лицом!

И Рап встал. И сбросил капюшон. Ротанг увидел обритый круг волос на литом затылке, которые собирались в косу и уходили под одежду.

– Верни душу моего сына, и ты сможешь уйти! Изуродованное лицо повернулось к человеку.

– Ты не смеешь приказывать мне, – поведал демон множественным голосом. – А соглашений я не заключаю.

– Здесь нет источника твоей силы. Здесь только лес, а он напитывает силой меня! – Зверолов направил острие кола на сенобита. – Отдай фокус воли! И отправляйся прочь!

Глядя на Ротанга так, словно увидел нечто, демон медленно вытащил из закрепленных на спине ножен огромный меч с обоюдоострым клинком и пилообразными зубьями у его основания.

– Я слышал о тебе, человек. Значит, здесь твое прибежище? Оно станет твоей могилой.

Обратно лазутчики бежали тем же путём, которым пришли к подземному озеру. Теперь Баструп не обращал внимания на датчики слежения, а, завидев людей, без раздумий заливал пространство перед собой плазмой.

В механическом складе они заблокировали дверь тяжелым контейнером и встали на плиту-лифт. Баструп стрельнул под ноги уже знакомым фиолетовым лучом, и плита провалилась, унося их в глубокую шахту – все более и более удаляя от погони.

В подземном тоннеле они бежали, сгибаясь в три погибели. Хруст древних костей под их ногами катился впереди, похожий на призрачного проводника, восставшего из мира мерт-

вых. Бежали в такой спешке, что Даймон не заметил, как тоннель закончился. Он уже падал в бездонный колодец, когда орк схватил его за шиворот...

Под сводами маленькой церкви Даймон оказался первым. Он вылез из колодца и украдкой огляделся. В церкви Ничего не изменилось. Солдаты Гарнизона еще не добрались сюда, и у лазутчиков оставалось немного времени, чтобы скрыться.

Баструп вылез из колодца следом, отстегнул катушку, но при первом же шаге поскользнулся на крови, которая растеклась из тела убитого священника.

Взмахнув руками, орк опрокинулся на спину. Но рухнул не на пол, а в черное колодезное жерло. Душа священника нанесла ответный удар, отомстив за смерть.

Баструп повис, уцепившись за край колодца – скользкий и перемазанный кровью. Выбраться орку было не суждено. Его пальцы быстро соскальзывали, но он успел прохрипеть:

– Что ж, не повезло тебе, краснокровный. Погибель пришла раньше, хотя все равно шансов не было... – На темных губах мелькнуло подобие улыбки. – Никто, кроме меня, не поймет твоего отчаяния, ибо никто не поймет куклу, только другая кукла...

На этих словах Баструп сорвался. Падал он без крика, глубинное безмолвие колодца нарушали только шаркающие удары о стены, но вскоре все стихло. Вот оно! Случилось!!

Даймон испуганно отскочил от края бездны и, затаив дыхание, стал прислушиваться к себе.

Сердце работало, легкие вздымались. Организм пока не умирал, видимо потому, что Баструп еще жив. Он еще падал! Ведь храмовый колодец очень глубокий... – Бездонный, – выдавили губы Даймона.

Он выскочил на улицу, начисто позабыв о гравилете. Ему было плохо. Ему требовался приказ, но хозяин сгинул, и помощи ждать было неоткуда. Неизвестно, сколько времени будет падать орк. Но именно столько отпущено Даймону для жизни.

Сегодняшней ночью небо над Гарнизонам было черное и непроглядное. Форт гудел и светился огнями. Два патрульных катера кружили над селением, ощупывая улицы лучами прожекторов. Даймон бежал между домов без оглядки, совершенно не представляя, куда бежит и зачем. Возле окраины селения он налетел на околицу и, с грохотом разломав ее, провалился в кусты. И надо было такому случиться, что околица оказалась ему до боли знакомой. Именно здесь молодой Зверолов провел долгие вечера с девушкой, которая потом сообщила, что не хочет выходить за него замуж, так как любит другого.

«И вообще, – подытожила она, – ты дикарь и живешь в глухом лесу».

На шум из дома выскочили фермер-свекольник и его жена Римма Паучиха. Пара гусей прибежала следом.

– Ох, вот так дела! – пробормотал свекольник, озадаченно почесывая бороду.

– Нечего охать! – одернула его Римма и наклонилась над распластавшимся юношей. – Что случилось с тобой, Даймон? Постой, что это... кровь? Ты ранен?

Даймон что-то залепетал в ответ и задергался в нервных судорогах. Он не узнал женщину, которая так и не стала его тещей.

Римма провела ладонью по его лбу, векам, пощупала какие-то точки за ушами и под волосами.

– Что-то с тобой не так, – задумчиво произнесла она. – Надо перенести его в дом. Адам, поддержи с той стороны, а я возьму с этой... А вы что уставились?! – Вопрос Риммы относился к дочерям, которые столпились на крыльце. – Идите все прочь!

Перенеся юношу в спальню и уложив его на кровать, Паучиха прогнала всех из комнаты, включая недоумевающего мужа и шипящих гусей. Женщина заперла дверь, затем проворно разрезала одежду Даймона и сбросила ее на пол.

Теперь, когда он остался абсолютно голым, стало ясно, что кровь была только на руках и коленях юноши. Кровь была чужая! Римма ощупала юношу тщательнее. Начав с головы и шеи, она прошла по телу, коснулась мошонки, изучила руки, бедра, икры, голени, закончила на пятках. Все это время Даймон нервно дергался и шептал, чтобы ему отдали приказ. Римма добросовестно исполнила просьбу и приказала ему заткнуться, пока она занимается делом. Однако это не подействовало, и Даймон продолжал будоражить ее и себя бестолковым бормотанием.

Закончив обследование, Паучиха встала над ним, задумчиво растирая свои ладони маслом с едким запахом.

– Сдается мне, Зверолов-младший, что болезнь твоя не в физическом теле. И где ты успел подцепить такую мерзость!

Едва она отвернулась, чтобы окунуть в таз с холодной водой полотенце, как случилось то, что было отсрочено но должно прийти неминуемо. У бездны все-таки оказалось дно, и Баструп его достиг.

Даймон выгнулся на кровати, пронзенный нечеловеческой судорогой. Сердце сдавили железные тиски, пытающиеся не просто остановить его, но расплющить разорвать в клочья.

Римма бросила полотенце. Обхватила голову юноши и заглянула в его широко раскрытые глаза.

– Ментальная струна... И тащит она тебя туда, где все занавешено мраком!

Старуха просунула ладонь под голову Даймона, и, несмотря на нестерпимую боль в груди, он почувствовал это прикосновение. Ему даже показалось, что пальцы прошли сквозь кожу темени и кости черепа, коснувшись нежной мозговой ткани. Мало сказать, что ощущение было не из приятных, он почувствовал, как за его мозг ухватились щетинистые паучьи лапы.

Жена свекольника, по прозвищу Паучиха, предугадывающая погоду и неурожай, а иногда изымающая камни из почек, резко выдернула руку из головы Даймона. Сложенные в щепоть пальцы сжимали невидимую глазу струну. В другой руке появились ножницы – те самые, которыми Римма срезала одежду. Лезвия с лязгом сошлись между щепотью и затылком юноши...

И все исчезло. Даймон почувствовал, как боль отпустила. Железные тиски плавно разошлись, и сердце усиленно заколотилось, наверстывая секунды вынужденного простоя. Он сделал вдох полной грудью. А затем провалился в беспамятство.

И пришло к нему видение, ясное и светлое, словно он находился в сознании. И увидел Даймон залитую солнцем ферму и просторы материковых лесов, с которыми связано его будущее. Увидел заполненные животными клетки. Пришло время продажи, и Звероловы опять получают отличный куш. Как им везет в этот год!

Словно в подтверждение он увидел улыбающегося отца. Ротанг стоял посреди зеленой поляны. В руке он держал кол, которым убил ластодонта, – примитивное оружие, долгие годы висевшее в гостиной. Отец оглядывался на Даймона и улыбался, хотя во взгляде была стылая грусть.

Эти картинки вдруг закружились и провалились куда-то, скорее всего в колодец, что спрятан под церковью Престола. Вместо них перед глазами появилось необычное дерево. Широкий кряжистый ствол исчезал под разлапистой кроной. Могучие корни свивались кольцами и двигались, словно живые... Дерево и в самом деле было живое, поскольку в складках коры открылись большие водянистые глаза, а под ними разверзлось отверстие, напоминающее рот. Дерево выглядело как умудренная годами женщина. Ее грустный взгляд был обращен на Даймона.

Рот шевельнулся, и он услышал грудной голос, исполненный заботы:

– Бедный юноша. Я знаю, как тяжело тебе. Но будет еще тяжелее... Что бы ни случилось дальше, найди меня в реальности.

Кто-то усердно щипал его за палец на ноге. Юноша открыл глаза и увидел протянувшуюся из окна мохнатую шею.

– Лола, – укоризненно пробормотал он и дернул ступней. Птица отпустила палец.

– Из ребенка ты вырос в замечательного неудачника, сынок!

Фраза принадлежала отцу. Даймон не помнил, когда Ротанг сказал это и говорил ли вообще, но, если она прозвучала из уст птицы, значит, говорил. Лола много чего помнит. Ее голова напоминает мусорный контейнер, набитый подслушанными фразами.

Комната опустела. Он не представлял, когда ушла Римма и долго ли ее не будет. Собственно, его волновало не это. Небо за окном озарилось первыми лучами солнца а это значит, что Зверолов-младший провалялся в забытии не менее шести часов.

Едва вернулось сознание, как с неумолимой жестокостью накатились тоска и обреченность. Римма спасла его жизнь, освободив от узды зависимости, которая потянула Даймона следом за орком в миры мертвых, возможно даже в Хель. Римма обрезала рабский поводок, сохранив юноше жизнь, но освободить его не смогла. Тело до последнего волоса, до последнего нерва осталось в нестерпимом ожидании приказа. И приказ мог дать только изначальный хозяин. Повелитель ужаса и теней, демон синевы по имени Рап.

– Лола, подружка моя, – прошептал он, слезая с кровати, – ты нужна мне.

Лола быстро бегала. Гораздо быстрее, чем летал гравилет. Года четыре назад в подростковом возрасте, когда азарт и бесшабашность Даймона пребывали в зените его деяний, он попытался прокатиться на спине своей подружки. Эксперимент закончился вывихнутым плечом и сломанной ключицей. Бестолковая курица не умела ездить с седоком и не хотела этому учиться. С тех пор парень предпочитал пользоваться гравилетом, а птицы если и касался, то исключительно чтобы дать ей подзатыльник.

На полу в ворохе распоротой одежды Даймон отыскал свой ремень. Выбравшись через окно, он вскарабкался на Лолу. Та недовольно крикнула (экспериментатор за годы прибавил в весе), но затем успокоилась, потоптавшись по цветникам Паучихи. Даймон привязал ремнем левую руку к основанию шеи страуса, правой крепко ухватился за этот узел и глянул на стены форта, которые поднимались в небо над крышами домов. Патрульные катера продолжали кружить над селением, но они находились на далекой западной окраине.

Зверолов наклонился к уху Лолы и произнес: – Привези меня домой, цыпочка. Очень тебя прошу. Впервые в жизни это очень важно. Привези меня домой!

И глубоко вздохнув, Даймон врезал пятками по покрытым перьями бокам.

Лола подскочила от такой обходительности. Еще раз крикнула. А затем опрометью бросилась – через фермерские поля в сторону виднеющихся вдали Мохнатых гор.

Комендант орудийного форта, полковник астрограничных войск – человек с благородным лицом уроженца Геи и маниакальной педантичностью во всех делах – старательно мерил шагами свой кабинет, расположенный в одной из настенных башен. Двенадцать шагов в одну сторону, двенадцать в другую. За длинным панорамным окном виднелись внутренняя площадь и исполинские стволы, направленные в небо.

«Как такое могло произойти? – терзал он себя безответным вопросом. – Как?»

Переполох, который случился в стенах форта шесть часов назад, хотя и относился к чрезвычайным происшествиям, описанным в инструкциях, но в голове не укладывался. Вражеские лазутчики появились на Рохе впервые за тысячу лет. Погиб один военнослужащий, трое ранены.

Полковник уже доложил о происшествии командующему флотом. Поднятый с постели адмирал Стилихон, седовласый, с окладистой бородой и длинными усами, на экране видео-

фона выглядел серьезным и бодрым. Служащие флота уважительно именовали его «старый боевой конь».

– Твою отставку не приму, даже не рассчитывай, – ответил Стилихон на последние слова рапорта. – Не нужен сейчас новый человек на твоём месте. Аккуратно и быстро проведи расследование. Попытайся выяснить, что было нужно тварям. Через полтора часа в помощь придут эксперты из прокуратуры флота. Очень жду твоего доклада, потому как общая картина складывается нехорошая. Чернь активизировалась возле систем Сонга и Крутаны. Из подпространства появляются новые и новые боевые звездолеты. Из Нижних миров к этим приграничным системам тянутся вереницы транспортников. На своих позициях мы способны отразить атаку любой мощи. Но враг тоже не дурак и в безнадежную атаку не полезет. Что-то готовится, Георгий, и инцидент в твоём хозяйстве может стать ключом к раскрытию замысла темнокровых.

Явившийся с докладом офицер застал коменданта рассматривающим гравюру, на которой корабли звездных государств спускались на поверхность Роха, поливая укрепления орков безжалостным огнем. В небе над стальными фюзеляжами раскинул руки призрачный силуэт – так художник изобразил помощь, исходящую от звездного покровителя людей. Офицер нерешительно кашлянул, обращая на себя внимание.

Глаза прибывшего были красными после ночных поисков, клочок паутины на плече и легкий запах плесени свидетельствовали о том, что он побывал в катакомбах. Комендант поставил ему стул, но офицер не стал садиться. Оба остались на ногах.

– Значит так. Мы нашли подземный проход, которым воспользовались диверсанты. Очевидно, что еще орки прорубили его в стародавние времена. Он берет начало в церкви Престола и выводит прямо в механический склад.

– О боже!

– Они дошли до резервуаров с оборотной водой, но там их спугнули патрульные, возвращавшиеся из селения.

– Тот, который остался в живых, пришел в себя?

– Да. Он рассказал, что диверсантов было двое. Один – орк. Самый настоящий: огромный, чернолицый, с отверстием вместо носа. Второй оказался человеком, личность которого установлена. Это Даймон Зверолов.

– Даймон? – Удивленный комендант повернулся к клетке с канареечной свиристелью – райской птицей, которая вот уже два года услаждала своим пением слух педантичного начальника. – Сын Ротанга?

– Именно. И к сожалению. Он помогал орку.

– В его участие невозможно поверить.

– Как и во все, что случилось. Он прилетел на гравилете поздно вечером, в селении их встретил патруль. Машину мы обнаружили за церковью, а в самой церкви нашли убитого священника.

– Еще и священник...

– Да. На полу остались две пары следов. Очевидно, что орк прилетел вместе со Звероловом. Он прятался в машине, поэтому патруль не заметил его.

– Куда же они подевались теперь?

– Крепость прочесана полностью. Здесь их нет. Также мы прочесали дворы и овраги селения, обошли дома, расспросили жителей. Два боевых катера осуществляют постоянный контроль с воздуха. Никто не видел ни Даймона, ни орка. Они как сквозь землю провалились.

– Какие-нибудь следы диверсии?

– Ничего. Розыскная группа тщательно изучила их путь. Мы обследовали все объекты, которые могли подвергнуться диверсии. Не найдено ничего! Абсолютный ноль. Я полагаю, что целью являлись стратегические орудия или генераторы. Чтобы выйти к ним, лазутчики

пытались пробраться в центральную галерею, но что-то их спугнуло, и они оказались возле резервуаров с оборотной водой.

– Нужно исследовать резервуары. Пусть техники Селлинджера запустят робота с «видеоглазом». Также необходимо взять пробы воды, и пока лаборатория не сделает анализ, следует отключить оборотную воду по всему гарнизону.

– Будет сделано.

Комендант опять взглянул на свиристель в клетке.

– Еще одно. Следует немедленно направить к дому Звероловов отряд быстрого реагирования. И еще один для прикрытия первого. Объясните бойцам ситуацию. В окрестностях или на самой ферме они могут столкнуться с врагом.

– Слушаюсь! Разрешите идти?

– Не смею задерживать.

Офицер ушел, а комендант еще раз убедился, что длина кабинета составляет двенадцать шагов. Он остановился у противоположной стены и спросил, обращаясь к свиристели:

– Зачем они приходили в форт?

Рап мотнул головой, и взвившаяся в воздух колючая коса хлестнула Зверолова по глазам. На секунду он лишился зрения, именно в этот момент сенобит обрушил на Ротанга свой страшный меч.

Содрогнулись стены. Загудел воздух. Лишь интуиция позволила отцу Даймона сбить клинок и выскочить из-под лезвия. Но конец меча достал, вспоров плоть над ребрами. Зверолов негромко охнул. Внезапный паралич охватил левый бок от подмышки до поясницы – лезвие оказалось ледяным.

Но, несмотря на рану, Ротанг нашел силы для ответа.

Удар колом был стремительным и точным. Но кроме своего умения Ротанг вложил в него исполинскую силу, взятую у корней деревьев, агрессию, заимствованную у тысяч зубастых йодаков. Разящую мощь бивней ластодонта и яд плотоядных цветов. Все они, весь лес, раскинувшийся от Мохнатых гор до тартарийского побережья, вздрогнули от неожиданного толчка, когда часть энергии, в которую вложены качества этих существ, вдруг ушла из них. Ушла, сливаясь в невидимый единый поток, который устремился в центр лесной долины, к одинокому дому, стоящему на холме, концентрируясь в едином человеке. И человек передал эту силу своему оружию.

По древу пробежали цепи молний, сливаясь к острию. Кол завибрировал и загудел, на его конце появился ослепительный белый шар. И Зверолов-старший вложил в удар все, на что был способен.

Кол насквозь пробил живот сенобита в том месте, где располагалось средоточие энергии – аккумулятор, собирающий и распределяющий энергию окружающего мира. Конец кола вышел из поясницы и разбил колбу, подвешенную на ремне.

Выпорхнув из осколков, нематериальный кусочек плоти Даймона отлетел к двери.

Черные глаза на мелованном лице не шевельнулись. Не обратились к орудию, что пронзило живот демона. Они неотрывно смотрели на Ротанга, сжимающего древко.

– Жалкий человечиска! Неужели ты веришь, что сила лесной жизни может противостоять смертоносному холоду Бездны и мощи темных солнц Хеля?

Ротанг ошибся и понял это слишком поздно. Он рассчитывал поразить демона в ту область, где у людей находится средоточие энергии: мизерное у обычных, объемное и плотное – у паладинов и знахарей. Но сенобит уже многие сотни лет не был человеком. Темный Конструктор основательно перестроил его тело, и средоточие энергии Рапа уже находилось не здесь.

– Ни одно существо не смеет прикоснуться ко мне, – произнес демон. – Ни один человек не смеет видеть меня. Я пожру твою душу, дикарь!

Ротанг оглянулся. Возможно, надеялся занять еще какие-то силы у зеленого мира, своего старого друга. Но вместо этого увидел сына, который вполз в комнату. Голого, измученного, жалкого. Но живого. И сердце отца наполнилось радостью. Именно тогда сенобит обрубил кол, и Зверолов-старший отшатнулся, потеряв упор.

Рап вытащил из себя обрубок. Сухая рана затянулась на глазах, дыра в кожаных одеждах исчезла. Он отбросил отсеченную жердь, на которой не было ни единой капли крови – известной по «Апокрифам» темно-синей, почти черной крови сенобита. Адской смеси, сваренной Повелителем Хеля.

Кровь Рапа, самая сильная из всех, за все времена еще ни разу не была пролита.

Розоватый и полупрозрачный фокус воли бился о холодный пол, нитевидный отросток извивался и дрожал. Даймон полз к этой частице собственной души. Он порезал ладони о разбитую колбу, но не замечал этого, как не замечал, когда ветви хлестали его по лицу, когда он мчался на очкастом страусе сквозь лесные чащобы. Он полз, а его уста шептали:

– Приказ, приказ...

Оказавшись в доме, Даймон хотел броситься к ногам повелителя, но запертый в глубинах мозга человек неожиданно активизировался. Сделался сильным. Он вылез из своей темницы, и голос его прогремел в ушах, призывая направиться к розовому пучку, бьющемуся о половицы.

Оказавшись подле него, Даймон пересохшими губами обхватил теплый шевелящийся комочек, похожий на живую устрицу. Фокус воли проворно скользнул в трахею и глубже. Длинный хвостик стремительно втянулся в уста юноши. Вмиг Даймона пронзила знакомая боль, начинающаяся от позвоночника, только на этот раз это была боль соединения. И Даймон, запертый в клетке сознания, вырвался на свободу. Занял тело целиком. Слилс с наркоманом, который просил приказа и не мог без него жить, и поглотил этого наркомана.

Зверолов-младший завопил от боли, когда чувства и ощущения, острые от вынужденной паузы, хлынули в него. Боль, страдание, жажда, горечь, стыд, холод, вкус крови во рту. И только запахов не было, присутствие Рапа убивало их. И вновь родившийся в Даймоне человек завопил во все горло, подобно новорожденному. Вопль этот явился жутким фоном к той сцене, которая разыгралась в каминной комнате.

Исход теперь был ясен Ротангу, ибо не мог он противопоставить что-либо страшной силе демона. Слишком велик просчет. Обрубок в его руках мог послужить лишь в качестве недолгой защиты. И остаток кола выдержал первый удар сенобита и со звоном отразил его.

Меч Рапа отскочил для нового замаха.

В недолгом промежутке до следующего удара Ротанг оглянулся. Он пробежал взглядом по стенам родного дома, задержался на кресле, в котором любил неспешно потягивать из трубки дым одурмана. Посмотрел на неуклюжий камин, огонь которого на протяжении многих лет скрашивал ему долгие зимние вечера. Он взглянул на лес за окном, прекрасный в лучах утреннего солнца, и увидел над вершинами деревьев в рассветном небе несколько точек. Они увеличивались, превращаясь в катера. К несчастью, помощь пришла слишком поздно... Взгляд остановился на сыне, и Ротанг с облегчением нашел в его глазах вернувшийся блеск и желание.

С этой мыслью и улыбкой на устах он принял второй удар. Такой сильный и неистовый, что сенобит лязгнул зубами, а длинная коса взметнулась змием. На этот раз обрубок сдался под натиском лезвия, выкованного из металлов, которые Зверь изъял из недр темных солнц. Жердь лопнула и пропустила варварскую сталь. Лезвие демона разрубило Ротанга от плеча до промежности и глубоко ушло в пол.

Нечеловеческий крик заполнил углы дома. Даймон слышал его, ужасался заложенному в нем страданию и безысходности, но не мог представить, что источником крика является он сам.

– НЕ-Э-ЭТ!!!

Он кричал и не мог остановиться при виде распавшегося надвое тела отца. Горечь и боль ворвались в него, кромсая недавно возрожденную душу. И невозможно передать всю глубину трагедии, которую он пережил в тот момент. Впрочем, не только он. В тот день на многих деревьях увяли листья, а сосны сбросили хвою. Лес скорбел о гибели своей неотъемлемой части.

Алая кровь дымилась на огромном лезвии, вонзенном в пол. Капюшон полностью свалился с лысого черепа сенобита, отчего стали видны зубы, сомкнутые в неизменном оскале. Черная коса раскачивалась за спиной, подобно маятнику. Сковывающий ужасом взгляд был направлен на юношу, обливающегося слезами.

Сенобит выдернул меч из половиц. Воздел его, собираясь расправиться со следующей жертвой, ибо нет на свете людей, которые видели Рапа при жизни, и не должно таких существовать!

Где-то далеко – скорее всего, не в этом мире – тревожно ударил колокол.

Их разделяла пара шагов. Два жалких шага отделяли Даймона от смерти, и в тот момент он настолько устал, что был готов принять неизбежное...

С улицы донеслось утробное завывание. Катера союзных войск приземлялись на лужайке перед фермой. Раздался топот спрыгивающих на землю солдат и лязг передергиваемых затворов.

Услышав это, Рап не тронулся с места. Короткое мгновение он еще раздумывал, сделать ли ему два шага, чтобы убить обнаженное человеческое существо, с ужасом прижавшееся к полу. Потерять секунды и показаться еще большему числу людей, с которыми у него нет времени разбираться. Недопустимо, чтобы они знали, что Рох посетила столь важная персона. Слишком рано людям это знать. Они примутся с утроенной тщательностью расследовать события в Гарнизоне и, возможно, отыщут то, чего отыскать не должны. А сенобиту сейчас требовалась тайна. Пускай недолгая, на два-три дня, но именно сейчас. А затем это будет неважно, потому что планета перейдет в руки орков...

И он ушел туда, откуда появился. В зеркало.

Шагнул и растворился в нем, оставив Даймона в одиночестве. Словно не было никого в комнате. Никогда не было. Словно страшные следы оставила неукротимая бесплотная сила, подобно урагану ворвавшаяся в дом.

Влетевшие в каминную комнату бойцы специального отряда наблюдали воистину ужасающее зрелище. Кровь, человеческие останки, а возле них – нагой и грязный юноша, лицо которого залито слезами.

Представшая их глазам картина не растрогала солдат. Они уже знали, что молодой Зверолов причастен к смертям в орудийном форте, а потому не сомневались, что и в этом преступлении повинен он – ведь в комнате больше никого не было! И солдаты приняли на веру первую мысль, которая пришла в их головы. И ужаснулись гадкому лицемерию юноши.

Среди них был молодой солдат, с которым Даймон столкнулся в Хранилище Грабба и в которого парень метнул обойму. Именно он первым поднял ствол реактивного ружья.

– Это он, продажный змееныш! Это он убил священника и старину Дьюка!!

Даймон смотрел на лица солдат и не видел в них сострадания. Более того, молодой, с разбитым лицом, направил на него автоматическую винтовку и был готов спустить курок. Видя, что спасения нет, в полном отчаянии юноша бросился туда, где находился единственный выход.

Он бросился в зеркало.

И зеркало не отвергло его, а приняло. Раздался хлопок, свет померк в глазах, и Даймон провалился в темную пустоту неведомого пространства.

А на бесконечно далекой планете Рох, в доме Звероловов, солдаты вдавили спусковые крючки. Очереди реактивных пуль устремились вслед сбежавшему юноше и раскололи зеркало. Стекланные лоскуты посыпались на пол. В них, кроме стен, теперь отражались и живые существа. Мрачное чудо завершилось. Колдовская сущность зеркала разрушилась, и оно превратилось в самые обыкновенные осколки.

Путь назад для Даймона был отрезан.

9

*Президентский дворец,
Гея Златобашенная*

Легкий ветерок, врывающийся в президентский кабинет через распахнутую балконную дверь, вносил оживление в почти музейную обстановку зала: трепал занавески, шевелил строгие флаги Союза и Геи, расположенные по обе стороны от высокого президентского кресла. Его холодок пришелся особенно кстати, когда Калигула, неожиданно ослабев в ногах, оперся на стол и переспросил Игнавуса осипшим голосом:

– Покушение?

– На сиятельную дочь Серафиму Морталес. В Храме Десигнатора, посреди церемонии.

– Немыслимо!

– Обнаружены трупы двух орков, которых, по всей видимости, обезвредила охрана девочки. – Игнавус поежился, посмотрел на распахнутую балконную дверь, – Она жива и могла бы многое прояснить. Вот только найти ее пока не удастся.

– Как они проникли в храм? Как... такое вообще возможно? Чернь! В сердце Геи! Как, Игнавус?

– Спецслужбы сейчас занимаются этим вопросом. Надеюсь, что в ближайшее время у нас будет надлежащая информация. Крестоносцы схватили третьего орка, но, к несчастью, при задержании ему отстрелили половину черепа. Он умер, но его реанимировали. Сейчас диверсант находится в полной зависимости от аппаратов искусственной жизни. Допросить его невозможно. Министр внутренней безопасности просил вашего разрешения о проведении процедуры мозгового сканирования. Согласно закону о правах человека, статье 168 «О неприкосновенности личных воспоминаний», в экстренных случаях доступ к памяти гражданина может осуществляться лишь по вашему указанию...

– Орки не граждане Союза. И уж тем более не люди. Пусть сканирует.

Игнавус поклонился и без промедления отдал указание через передатчик в перстне, а Калигула уставился на крохотную чашечку с остывшим кофе в углу стола. Больше всего на свете ему хотелось сейчас проглотить этот кофе, почувствовать бархатный вкус, прийти в себя. Но чашка, прыгающая в пальцах, могла выдать его волнение советнику, что было бы крайне нежелательно.

Звонок видефона застал президента на пике внутренней борьбы. Лампочка интеркома вспыхивала на линии экстренной связи с губернатором Западного континента. Тревожный перезвон нарушал тишину кабинета, но Калигула не двигался. Ему очень не хотелось загружать себя еще одной проблемой. И только поймав упрекающий взгляд Игнавуса, он нахмурился и неуклюже протиснулся между столом и креслом, чтобы дотянуться до клавиши.

– Господин президент! – На экране появилось взволнованное лицо губернатора. – Случилось ужасное, господин Президент! Немыслимое! Великая Семья Морталес...

– Да, я знаю. На Серафиму совершено покушение.

– Серафима?.. О, нет! Речь о Фрее!

– Что? – спросил он потерянным голосом.

– Мне трудно говорить об этом. Невозможное, ужасное событие! Сегодня днем достойная Фрея была найдена мертвой. Она утонула в заводи озера Заболонь, на котором находится усадьба Великой Семьи.

Президент медленно опустился в кресло, почувствован, как непроизвольно дернулось левое веко. Стоящий напротив советник сильно побледнел.

– Ее обнаружил садовник... Миледи лежала на дне возле самого берега! Глаза были открыты, словно она разглядывала облака сквозь воду... Это ужасно! Что нам делать, господин президент?

– Ее муж... Аркелл уже знает?

– Близкие пока не в курсе. Но я спрашиваю о другом. Доставать ли нам ее?

– Она что, до сих пор лежит в заводи? – ужаснулся Калигула.

– Ни у кого не хватило мужества... никто не смеет взять на себя ответственность. Это же великая Фрея! Богиня человеческого рода! Что нам делать, господин президент?

– Мне необходимо провести консультации, – сбивчиво ответил глава Союза. – Я перезвоню... Ждите моего звонка.

Губернатор собирался спросить о чем-то еще, но Калигула избавился от неприятных вопросов, проворно выключив видеофон.

– Серафима, Фрея... – пробормотал президент, с Удивлением трогая левое веко, тик в котором усилился. – Что это? За что эти бедствия обрушились на нас? И что нам делать, Игнавус?

Худощавый советник помотал головой, стряхивая наваждение. Затем, тяжело опираясь на трость, приблизился к столу.

– Первым делом нужно достать из воды тело сиятельной дочери. – Игнавус глянул на пронзительную синеву неба за окном. – Боже, я не представлял, что когда-либо произнесу подобные слова!

Он повернулся к президенту и заговорил по-деловому:

– Достать тело Фреи, поместить в криогенный саркофаг. Все сделать в строжайшей тайне и с величайшим почтением.

– В строжайшей тайне?

– Огласка нежелательна. Сообщение о гибели всеми любимой Фреи на фоне других недобрых вестей – вы прекрасно знаете каких! – вызовет панику. А нам меньше всего сейчас требуется подобное развитие событий, когда враг стоит у ворот.

В распахнутую балконную дверь влетел порыв ветра, с хлопком расправились алые флаги Союза и Геи, получившие свой цвет во времена, когда государь Мирогор завоевал Пограничную систему, величественные гербы на полотнищах открылись взору. Игнавус поглядел на них и сухо сглотнул.

– Нужно отыскать Серафиму, – продолжил он, когда ветер улегся, а флаги опали. – Она звонила мне прямо на церемонии, просила о срочной встрече. Ей что-то известно.

– Отдайте распоряжения службам, – слабым голосом произнес Калигула.

– Уже отданы, – склонил голову Игнавус.

– Требуется чрезвычайные меры безопасности в столице. Смерть Фреи – еще один акт диверсии против нас. Совершены дерзкие покушения на членов Великой Семьи! Не где-нибудь в провинции, а на Гее! Нужно немедленно найти, откуда исходит угроза! Немедленно!

– Без сомнений, господин президент, – согласился Игнавус – Наши спецслужбы уже занимаются поисками. Одновременно Служба общественной безопасности усилила охрану высших государственных и политических лиц. И, я полагаю, на данный момент этих мер предостаточно. Ибо существует другой, не менее, а то и более важный вопрос, который неотделим от последних событий... Бутылочное Горлышко. Ситуация вокруг него становится все сложнее. Враг подтягивает к границе новые и новые звездолеты.

Президент устало выдохнул.

Вступая в должность, которая даровала и новые возможности, и власть, и почести, он меньше всего задумывался, что размеренный уклад жизни галактического государства может быть подрван. Калигула в своем роде был человеком неординарным и даже талант-

ливым, он разрешил многие сложные вопросы политического, экономического и социального характера. Но даже на миг он не мог представить, что в его правление случится событие, которое имеет страшное название, пришедшее из ветхих времен.

Война с Бездной.

– Делайте, Игнавус, что считаете нужным!

– Осмелюсь напомнить, господин президент, – опешил старик, – что я не силовой министр, а только советник. Но сегодня в столицу прибывает новый главнокомандующий армиями Союза – Михаил Балниган. Он назначен вами в соответствии с представлением Великой Семьи Деламура. На девять вечера в вашем расписании намечена аудиенция с ним.

– Сегодня у меня нет настроения для встреч.

– Но, господин президент... – Игнавус на мгновение потерял дар речи. – Вы обязаны встретиться с Балниганом. Вы должны сделать так, чтобы он прочувствовал серьезность положения, вы должны расставить приоритеты. Ведь он получит в руки огромную власть. Фактически станет вторым человеком в государстве! В настоящих условиях полномочия будут весьма широкие. В его Распоряжении окажется маневренность тысяч боевых кораблей, огневая мощь космических станций и крепостей, корпуса пехоты и десанта. Вы обязаны обратить его особое внимание на обстановку в Бутылочном Горлышке.

– Хорошо, – с неохотой произнес Калигула. – Я жду его в девять.

Заоблачные здания жались друг к другу. Вдобавок их густо оплетали дороги, переходы, монорельсы и подвесные сады, превращая деловой центр Геи в настоящие джунгли. Банки и корпорации расширялись преимущественно вверх, поэтому небоскребы достигли таких размеров, что планетарным техникам пришлось наращивать над ними атмосферу.

Пока лимузин скользил через джунгли делового центра, сквозь его соты и тоннели, Шахревар беспокойно крутил головой во все стороны. Чувственные сенсоры паладина не успевали отследить все потенциальные угрозы, исходящие от множественных зданий и автоматической техники. Лишь когда заоблачный район остался за хвостом, телохранитель вздохнул свободнее.

– Быть может, все это наши домыслы? – шепотом спросил его Антонио, очнувшийся после долгой паузы. – Наши кошмарные иллюзии? Невозможно представить, чтобы Фрея была мертва! Сейчас мы вернемся домой, а она там. Живая и такая же милая, как всегда. Ну, скажи?

Рыцарь не ответил, уставившись в окно. Антонио оглянулся на сиятельную дочь, которая сидела без движения в дальнем конце салона, не показывая лица из тени. Ее руки крепко сжимали укутанный бархатом шар. Ладони будто слились со святыней. С тех пор, как Серафима пришла в себя после обморока, она не проронила ни слова. Антонио представил, что творится сейчас в душе бедной девушки.

– Я тебя очень уважаю, Шах, – продолжил он. – Ты доблестный воин и могучий экстрасенс. Но, быть может, ты ошибся? Не было никакого сенобита за дверью?

– Я не ошибся.

– Но откуда ты знаешь. Из-за того, что он имитировал голос Фреи? Но ведь его легко подделать!

Не отрываясь от окна, словно не желая показывать лица, рыцарь ответил:

– Это был сенобит. Монстр, в основе которого лежит ужас Мертвых Глубин. От него исходил... запах свежей смерти. И еще от него пришло видение. Я увидел Фрею, хотя в первый момент не понял, почему распустились ее волосы, а глаза были затуманены... Она лежала под водой с открытыми глазами, а волосы шевелило подводное течение.

Антонио вдруг услышал над ухом сдавленное сопение, повернул голову и обнаружил рядом лицо наставницы, которая незаметно приблизилась к ним, вслушиваясь в разговор. Глаза ее были выпучены, верхняя губа подергивалась от возмущения.

– Как вам не стыдно замаривать свои уста разговорами о нечестивых созданиях, коих отрыгнули Нижние миры! Где ваша совесть?

– Моя совесть на месте, – ответил Антонио. – Но мы должны разобраться в случившемся и понять, что делать дальше.

– На нас лежит траур по безвременно усопшей матери и великой женщине, – яростно заговорила Гата. – Разговоры о демонах не должны осквернять его!

– Но ведь еще неизвестно! – возразил Антонио. – Зачем кому-то могло понадобиться убивать Фрею? Сейчас мы вернемся домой и...

Он не успел закончить, потому что со своего места неожиданно поднялась Серафима. Ее лицо появилось из тени: оно вспухло от слез, глаза покраснели. Но сейчас девушка не плакала.

– Они полагали, что ихор был передан моей матери, поэтому она... погибла. Когда стало ясно, что ихора у нее нет, они напали на меня. – Сиятельная дочь взглянула на шар, который держала в руках. – Им нужна святыня.

– В таком случае, моя госпожа, – сказал Шахревар, – нам категорически нельзя возвращаться домой.

– То есть как? – удивилась Нина Гата. – Мы не вернемся домой?

– Враг охотится за ихором, в этом не остается сомнений. Святыня настолько важна для орков, что они не боятся раскрыть своих агентов и тайные пути проникновения в столицу, которые, я уверен, после инцидента в храме будут немедленно вскрыты. Те, кто управляет орками, готовы пожертвовать этим не для масштабной диверсии, а для овладения ихором. Сиятельной дочери угрожает серьезная опасность.

– Я хочу... – начала Серафима, но споткнулась, когда слезы вновь начали душить ее. – Я очень хочу увидеть маму в последний раз.

Сердце Антонио сжалось после этих слов.

– Я сожалею, моя госпожа. – Шахревар обращался к ней, заглядывая в глаза. – Но нам нельзя ехать туда, где нас ждут. Вы меня понимаете?

Серафима покорно опустила голову.

– Вы не можете согласиться! – ужаснулась наставница. Шурша кружевным платьем, она приблизилась к девушке, пристально заглядывая ей в лицо. – Как истинная дочь, вы должны соблюсти церемонию траура! Или у вас нет души?

– Не считайте свою скорбь больше моей... – Девушка запнулась. Антонио подумал, что она заплачет, но Серафима подняла голову, и ее глаза были сухими. – Но Шахревар прав.

– Вам нужно связаться хотя бы с отцом, – предложил Антонио. – Он даст совет и обеспечит необходимую защиту.

– Нет, – холодно ответила Серафима. – Уже погибла мама. Я не хочу, чтобы опасность угрожала кому-то еще. Тем более – отцу. Ихор останется у меня.

– Правильно, – своим незабываемым шипящим голосом произнесла Нина Гата. – Кровь Божью необходимо схоронить. И лучше церкви это никто не сделает! Нужно отдать ихор церкви. В руки самому митрополиту. Только так. Другого выхода нет.

– Вы уже забыли, дражайшая Нина, что именно в церкви было совершено нападение на Серафиму? – язвительно поинтересовался Антонио.

Наставница злобно взглянула на пресс-секретаря, но возразить не смогла.

– Может, закопать его на какой-нибудь окраинной планете Галактики? – робко предложила одна из служанок.

– Спрятать в каменоломнях Сенны! – сказала другая.

– Нет никакой гарантии, что враг не обнаружит его, – ответил Шахревар. – Шар лучится энергией, я чувствую ее поток. Даже скрытый от глаз в темных шахтах, для существ, обла-

дающих сверхъестественным чутьем, он будет таким же заметным, как светлячок в глубокой ночи.

В салоне повисло напряженное молчание. Новых предложений не поступало, варианты неожиданно закончились. Казалось, что выхода нет. И тогда снова раздался голос Шахревар:

– В Верхних мирах не существует более безопасного места, чем межзвездный город паладинов Ковчег Алых Зорь. Только посвященные рыцари смогут защитить святыню. Они – столпы союзного войска, его сила и доблесть. Оплот морали и государственности. Все свои достижения в раскрытии тайн мироздания они посвящают Союзу и Десигнатору.

– Гм-м... Предложение интересное, – оживился Антонио. – Формально паладины являются одной из ветвей Церкви Единой Веры, но митрополиту не подчиняются, потому что образуют суверенное государство, входящее в состав Союза. Пусть карликовое, с населением в полсотни элитных рыцарей, зато настоящее, с собственным президентом, роль которого исполняет Глава Ордена.

– И я хорошо его знаю, – заметил Шахревар. – Нам будут рады.

– Еще бы. Ведь Ковчег – твоя вторая родина!

– Не только. Паладины сочтут за честь оказать помощь дочери Великой Семьи.

– Но Ковчег сейчас базируется в системе Диких Племен, – вспомнил Антонио. – А в этом дивном уголке, напомню, идет жестокая война с язычниками.

– Это так, – согласился паладин. – Вместе с Крестоносным флотом паладины ведут там боевые действия. Но Ковчег Алых Зорь неприступен. Пятьдесят посвященных рыцарей способны дать отпор целой армии агрессоров, что не раз демонстрировали. Город паладинов – самое надежное место в галактике. Сиятельная дочь со своим бременем будет там в безопасности. Могу поручиться за это своей честью. Что скажете, моя госпожа?

Все выжидающе посмотрели на Серафиму.

– Этот вариант выглядит самым оптимальным, – ответила девушка и опустилась в кресло.

– Отлично. – Паладин поднял руку, призывая присутствующих к вниманию. – Прошу всех выслушать меня! Я сожалею, но в интересах безопасности в систему Диких отправится вся свита. Мы совершим этот рейд в строжайшей тайне. Вы не сможете сообщить о себе родным и близким, вы пропадете на время, но лишь до той поры, пока мы не окажемся на Ковчеге. Оттуда вы сможете послать весточку.

– Как мы доберемся туда? – спросила Нина Гата. – В зону боевых действий пассажирские лайнеры не летают.

– Я позабочусь об этом, – ответил Шахревар, заглядывая в окно. – Вот, кстати, и Александрийский космопорт... Значит, так, отключите средства связи и встроенные микрокомпьютеры. Снимите знаки принадлежности к Великой Семье. Госпожа, вы должны убрать свою диадему и прикрыть лицо вуалью. Сейчас мы приземлимся на многолюдной Семиарочной площади. До посадки в космолет запрещаются любые разговоры, которые могут привести к спорам и конфликтам. Особенно это касается вас, досточтимая наставница. – Он повернулся к довольному Антонио. – И вас, уважаемый пресс-секретарь.

10

Между входом и выходом был секундный интервал, в течение которого Даймон оказался в необозримой пугающей Пустоте. Здесь не было ни цвета, ни света, раздавался лишь заунывный далекий звук, похожий на мужской хор, тянущий единственную ноту. Даймон не ведал, что это за Пустота, но успел ощутить под собой глубину вселенских пространств, тысячи массивных звезд и невероятные расстояния, через которые перешагнул одним махом, как через трещину в земле. Он с ужасом подумал, что может и не достигнуть выхода, что пята провалится и он полетит в пропасть, уподобившись пылинке в недрах циклопического мироздания...

Но этого не произошло. Пяту встретила невидимая опора. Возможно, она была уже в другом мире – в том, куда вело зеркало. Юноша осознал это в последний момент, и в нем разыграло дурацкое любопытство. Даймон оглянулся...

Он не мог знать, что хождение через зеркала ограничено строгими правилами. Не оглядываться, не смотреть по сторонам, не тормозить и не потерять рывок, с которым ты шагнул в магическое устройство. Ученые издавна называли изнанку Вселенной подпространством. Мистики и маги – надмирьем. Но сколько бы названий ни имела Пустота – люди и орки использовали не больше доли процента ее возможностей. Она не позволяла взять больше и оставалась непостижимой и манящей глубиной, в которой любопытные твари исчезали навсегда.

Задержись Даймон еще на мгновение, разложи в голове еще одну мысль – он бы упустил зону выхода, а повторно найти ее будет невозможно. Но он успел выйти. И прежде чем сделал это, то увидел вдалеке, как завеса Пустоты раздвинулась, открыв впечатляющую колоннаду Древнего строения. Между колонн горел костер, его тонкое, как игла, пламя уходило вверх, за пределы зрения. А еще Даймон понял, что горит костер издавна, со времен, когда Вселенная умещалась в наперстке.

Возле костра стояла фигура, наполовину скрытая мраком. В облике ее были и ужас, и величие, и едва уловимая печаль. Не человек и не зверь. Существо, чья плоть соткана из звездной пыли. Даймон хотел рассмотреть существо, но не успел, потому что в следующий миг вывалился из зеркала и распластался на шлифованном каменном полу.

Он поднял голову, чтобы оглядеться. Страшный убийца должен находиться рядом, он вошел в зеркало десятью секундами ранее. Вместо того чтобы бежать как можно дальше, Даймон отправился следом. Иного выхода не было. На Рохе его ждала смерть. Здесь, впрочем, тоже, хотя парень успеет сделать несколько глотков воздуха чужого мира.

Он лежал на краю скалы, над обрывом, а перед ним, насколько хватало глаз, раскинулось то, что в первый момент показалось самым огромным залом. Тяжелый бугристый свод пестрел огнями, синие квадраты пола уходили за горизонт. И только когда он моргнул, когда случайный морок испарился, а наваждение ушло, Даймон понял, что именно предстало перед ним. И захлебнулся от паники.

Не было никакого зала. Он видел бескрайнюю равнину, небо над которой заслонили тысячи звездолетов, вооруженных, смертоносных, с пылающими опознавательными знаками. Поверхность равнины до самого горизонта покрывали полчища орков в синих доспехах, разрезанные тонкими линиями между подразделениями. Они стояли смирно, не издавая ни единого звука, точно мертвые, лишь мрачные знамена покачивались на слабом ветру. Кое-где из масс поднимались резные каменные столбы. Даймон взглянул на ближний, который находился от него ярдах в двадцати, и ужаснулся. Отвратительные каменные рожи и черепа, громоздящиеся друг на друге, были политы стынувшей человеческой кровью.

Бесчисленные армады смотрели на него, на скорчившегося юношу – жалкого, пыльного, чумазого, исхлестанного ветвями, с кровоподтеками на голых плечах. Орки застыли, словно чего-то ожидали. И в следующее мгновение он понял, чего.

Над притихшей равниной грянул повелительный и проникновенный глас. Юноша повернул голову и увидел неподалеку еще одну скальную кручу, на которой, воздев руки, стоял сенобит. С далекого расстояния Даймон не разглядел лицо, но ему сразу вспомнилась картинка, которую показывал букинист, а в голове всплыло имя. Натас.

Сладкоголосый обольститель и главный служитель культа. Второй помощник Зверя. Именно он обращался с речью к бесчисленным войскам.

Слова чужого языка были непонятны, но орки в синих доспехах слушали затаив дыхание. Из ностальгической печали голос Натаса извлекал страсть и ненависть. Вскоре интонации увлекли Даймона, потянули за собой и вонзились в сердце. В одно мгновение тело покрылось мурашками, а из глаз покатались слезы, но это было не все. Раздавшийся следом призыв вознес эмоции на самую вершину, и полчища взорвались громовым ревом. В экстазе Даймон вскинул руку и закричал вместе со всеми, его слабый крик влился в рев толпы, душа разрывалась от желания броситься в бой во имя произнесенных, пусть даже непонятных, слов. Он кричал в поддержку, вполне осознавая, что громады войск готовы ринуться на его родину, в Верхние миры.

... Буравящий затылок взгляд вырвал из плена слов и заставил обернуться. Позади Даймона вытянулся длинный ряд зеркал, каждое из которых было подобно тому, что стояло в доме Звероловов, – с оправой из магматических пород, расписанное фантастическими узорами. Перед зеркалами возвышалась знакомая фигура. Капюшон отброшен за спину, в опущенной руке страшный меч, конец которого касался земли. На лезвии еще пламенела кровь отца Даймона. Увлеченный напутственной речью Натаса, юноша совершенно позабыл об опасности, которая исходила не от полчищ орков. Она была здесь, рядом, в образе демона с изуродованным лицом. Беспощадный взгляд Рапа пронзал насквозь. В этот раз Даймон не мешкал. Он действовал стремительно. Спасли инстинкты, которые развил в нем отец за время долгих тренировок, – своеобразная частичка Ротанга, оставшаяся в сыне, а возможно, рука помощи, протянутая из мира мертвых.

Пока ужас не заставил его безвольно приползти к сенобиту, Даймон бросился к зеркалам. В том, из которого он пришел, тело отражалось, а это значило, что оно закрыто для перехода. Из глубин мозга поднялось слово «запечатано». И юноша выбрал соседнее, не только потому, что оно находилось ближе. Наверху его тяжелой рамы на полированной табличке темнел силуэт дерева с развесистой кроной.

Даймон метнулся к этому зеркалу. Ртутная плоскость провалилась под ним. Он зажмурился и... вывалился на слоистые крошащиеся камни. Не оглядываясь, тут же вскочил, потянув за собой увесистый камень.

Не раздумывая, Даймон ударил. Лист амальгамированного стекла со звоном рассыпался на осколки. Теперь путь назад отрезан. И в мир, небо которого загородили бесчисленные звездолеты. И к Рапу. И уж давно к ферме Звероловов и прошлой жизни.

Часть вторая Могильщик

1

*Президентский дворец,
Геля Златобашенная*

Дворцовый камердинер с поклоном отворил высокие двери, и Балниган вошел в просторный зал президентского кабинета. Ни в облике, ни в движениях адмирала не проявлялась робость, свойственная всем, кто по государственным или иным делам оказывался под величественными сводами. Более того, он двигался с такой решительностью, что Калигула неосознанно вжался в кресло, почувствовав себя лишним в собственных апартаментах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.